

Игорь Агафонов

ДНЕЙ ИЖЕВСКА

Игорь Агафонов

Сто дней Ижевска

2015

УДК 82-3
ББК 84-4
А23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Агафонов Игорь
А23 Сто дней Ижевска. — [б. м.] : [б. и.], 2015. — 128 с. — [б. н.]

Первая часть книги издана при поддержке Библиотеки -филиала №23 г. Ижевск

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

*Зашепчут нивы, прощаясь с нами,
Кивнет береза седой листвою.
И молча клятву дадим мы сами
Что это будет последний бой.*

(Неизвестный автор, стихи из ижевской газеты «Народовластие», ноябрь 1918)

«Едва ли за всю Гражданскую войну был такой ожесточенный, такой озверелый бой, как в эту решающую схватку под Ижевском...»

(Кучкин А. П. военный комиссар 27-й Краснознаменной Омской стрелковой дивизии)

Телефон у меня в кармане коротко пискнул. Я машинально достал его, нажал кнопку и пробежал глазами текст СМС-ки. Потом прочитал еще раз. И снова, уже внимательно. Нет, не так. Текст на дисплее был единственным, что я видел. Потому что на третий раз до меня дошло.

«8 августа 22.00 напротив дачи Васильева. То самое место».

Я посмотрел, с какого номера пришло СМС. Номер не определился. Вместо цифр на экране светились десять пробелов.

На следующей остановке, — это был «Восточный рынок», — я вышел, зашел за ларек и закурил. Мне нужно было подумать. Еще как было нужно!

Конечно, я сразу подумал о розыгрыше. Но кто бы мог так пошутить? Прошло пять лет, а о той встрече мало кто знал. А уж помнил о ней, наверное, только я один. Хотя *она* тоже могла помнить. Ирка объявилась спустя пять лет? Таким вот образом? Хотя... Она была необычной девчонкой, иначе я не вспоминал бы о ней до сих пор, при том, что встречались мы всего месяца три. Да и расстались мы очень странно.

А собственно, почему странно? Я ведь и сам, когда очередная подружка надоедала, просто переставал звонить и отвечать на звонки. Иногда менял номер. Исчезал, в общем, с концами. Не люблю объяснений. Терпеть не могу. Лучше, как-нибудь так — незаметно, по-тихому. Может, кто-то считает — подло, мерзко, безнравственно? Ну, я вот такой.

Так почему мне все это время не приходило в голову, что Ирка могла поступить точно так же? Мы ведь были в чем-то похожи. Если это она... Я взглянул на часы — 20.15.

Время еще оставалось. Взял в ларьке бутылку «Ярпива» и принялся вспоминать...

Это было летом 2008-го. Как раз восьмого августа. На дне рождения у Паши Васильева — это мой бывший одноклассник. Мы нечасто с ним виделись, но в тот год он праздновал свое двадцатипятилетие и позвал всех, кого хоть отдаленно мог назвать знакомым.

Васильевский огород располагался на массиве недалеко от Воткинской линии, ближе к Октябрьскому. К вечеру там собралось человек тридцать, из которых я половины не знал, какие-то друзья по универу, коллеги с работы и прочий подобный народ. Вот там мы и познакомились с Ирой.

Ей тогда было двадцать или около того. Уже позже я пытался выяснить, с кем же она пришла, но мне это не удалось. Пашка говорил, что она — подруга девушки какого-то его друга, но кого именно, он вспомнить не мог, а сам никто не признался. Так и пропали концы.

Ну а тогда я как-то не потрудился выяснять, чья она там подруга. Мне хватало и того, что вполне себе симпатичная девушка очень даже не против со мной тусоваться. Что она слушает мою болтовню, и даже вроде бы с интересом. А кому, черт возьми, не польстит такое внимание?!

Тем летом я фанател по Ижевскому восстанию. Тому самому, восемнадцатого года, также известному, как «антисоветский мятеж». Я тогда как раз закончил наш УДГУшный Истфак и, конечно, темой моего диплома было оно — Восстание.

Я буквально им бредил. Была у меня даже смутная идея написать обо всем этом книгу. Может исследование какое — ведь до сегодняшнего дня нет даже внятного описания, что там и как было. Одни нападки друг на друга уже современных «красных» и «белых» в стиле — *«Вы дураки и звери! Сами вы дураки и звери!»* Впечатление такое, что и не прошли эти сто почти лет. В общем, носился я с этой

идеей, можно сказать, этим жил. Ну, понятно, как всякий студент, между клубами, Интернетом и барами. Так вот я тогда думал.

Если я оказывался в каком-то месте, хоть как-то с Восстанием связанном, то обязательно начинал грузить несчастных знакомых, оказавшихся рядом со мной, датами и событиями. Нет, если я был трезв, то в большинстве случаев сдерживался. Понимал, что мало кому это все интересно. Но уж если я хлебнул пивка, — а такое в те годы часто случалось, — то тут держись, будь здоров! В красках. В подробностях. Получайте, друзья-товарищи, приобщайтесь, так сказать, к славной истории нашего края!

Как-то раз, например, ездили мы на шашлыки в Галёво, с ночевкой. Ах, какие места! Крутые обрывы над широкой нашей Камой! Вот тогда ночью, у костра, за ящиком пива, всем пришлось узнать, где тут стояли батареи повстанцев, а где пытались переправиться красные. И разносилось над Камой:

«Сброшены цепи кровавого гнета

Дружно врага уничтожил народ!

И закипела лихая работа

Ожил рабочий и ожил Завод!»

— под гитарный бой дурным голосом...

Так случилось и в тот раз. Пашкин огород стоит аккурат напротив того места, где в ночь с восьмого на девятое августа останавливался отряд Александра Бабушкина. Утром их окружили повстанцы, но Бабушкин с боем прорвался и ушел в Агрыз. Потом он, правда, вернулся... Ну да не важно — чувствуете, совпадение какое? Восьмое августа! И день рождения у Пашки на этот день приходился. Мог ли я умолчать об этом после двух полторашек? Никак не мог! Но слушала меня только Ирка. В общем, понятно, почему я так запал на нее.

— Слушай, — сказал я. — Это здесь вообще-то недалеко.

Прогуляться не хочешь?

Она посмотрела на меня чуть насмешливым взглядом из-под короткой челки:

— Пойдем. Интересно.

Не скажу, что все, чего мне хотелось, исключительно показать ей место того короткого, и в общем-то незначительного, боя. Были у меня и другие планы насчет этой прогулки посреди ночи. Ну, а кого в двадцать пять девчонки не интересуют, даже и без того, слушают они тебя или нет? Но в тот раз ничего такого у нас не было. В общем, мы пошли.

Метрах в двухстах от нас проходила Воткинская железная дорога, а за ней, в двух километрах примерно, сверкал огнями ночной Ижевск. Там с холмов хороший вид открывается — чуть не Центр разглядеть можно. Не без труда я разжег небольшой костерок, и мы просто сидели, глядя на заросли ивняка. Передавали друг другу полторашку местного «Жигулевского» и разговаривали. Точнее, больше говорил я.

— Поцелуй меня, — вдруг сказала она, как раз посреди рассказа о том, как Бабушкин пытался пробиться в Ижевск на блиндированном поезде, но попал в засаду — причем по глупости исключительно.

В общем-то, на этом тогда все и кончилось. Чуть позже мы вернулись к народу и больше той ночью вдвоем не оставались.

Потом мы встречались до начала ноября. Ходили, конечно, по барам и клубам. Пару раз в кино были, но, кроме того, я таскал ее за собой в наш Краеведческий музей в старом Арсенале. На ту самую экспозицию, разумеется. Бедновата она, конечно, но лучше-то все равно ведь нет. Пару раз я даже водил ее к Семену Ивановичу. Он был настоящим энтузиастом! Я всегда завидовал его подшивке «Ижевского Защитника», в которой не хватало всего лишь нескольких номеров, и карте боевых действий, которую он сам сделал. Она занимала почти всю стену, я потом ее сфо-

ткал и распечатал.

А в последний раз мы виделись 7 ноября. И где бы вы думали? На Пироговских высотах, конечно. Там, где в 1918-м шли в последнюю штыковую атаку полки ижевских рабочих. Шли в полный рост на красные пулеметы, под бодрые ритмы гармошки, пронзительный заводской гудок и бой колоколов Михайловского собора. Так, по крайней мере, описывается эта первая «психическая атака» Гражданской в нынешней и тогдашней литературе. Честно говоря, я в эту красивую картинку не очень верил, а Ирка к тому моменту уже многое знала. Мы даже слегка поспорили — так было или не так?

Вечером я проводил ее до остановки: она никогда не разрешала — до дома. Доехали мы до Собора. Я предложил зайти в «Красный», но Ирка сказала, что завтра с утра ей на работу. Кстати, где же она работала, я тоже так и не знал. Мои уговоры ни к чему не привели. Мы поцеловались на прощание, и 8-й автобус увез ее куда-то за реку, в сторону «Фурманова».

Больше мы не виделись. Раз сто, наверное, я слышал *«телефон абонента выключен или временно недоступен»*, а адреса ее я не знал. За эти пять лет у меня было много девчонок, но такой, как Ирка... Кстати, книгу я так и не написал, не до того стало.

Моя бутылка «Ярпива» закончилась. Я снова посмотрел на часы. Прошло, оказывается, двадцать минут, а я и не заметил. Как будто выпал из мира. Снова пережил все, что было пять лет назад. Я и тогда о чем-то таком думал, но сейчас особенно остро почувствовал, что в сущности тогда мы с ней вместе прожили сто дней Ижевска. Мы познакомились восьмого августа, когда началось Восстание, а расстались седьмого ноября — в его последний страшный кровавый день. Тут я, правда, сам себя и поправил. На самом деле, последний день был чуть позже. Но неважно. В конце-концов, суть все равно одна. И тут

мне пришла совсем уж странная мысль — было ли это простым совпадением?

Я пропустил свой 40-й и выкурил еще три сигареты, дожидаясь маршрутки. Конечно, я поехал. Ведь сегодня было восьмое августа...

Родители Пашки Васильева продали огород три года назад. Сейчас там обитали совершенно незнакомые люди и я, разумеется, туда не пошел. Минуту поколебавшись у остановочного ларька, купил полторашку «Жигулевского» и зашагал в сторону Воткинской линии.

«То самое место» я отыскал без труда. За пять лет тут ничего не изменилось, а может, — подумал я, — и за девяносто лет тоже. Была примерно половина десятого, небо еще даже не потемнело, но я все равно разжег костерок. Совсем, как тогда. Потом я сел возле него, открыл полторашку и стал ждать.

В десять она не пришла — естественно, неужели я ждал чего-то другого? Но я продолжал сидеть. Растягивал пиво, как мог, но в одиннадцать оно все равно кончилось. К полуночи, когда уже окончательно стемнело, у меня остались только две сигареты. «Дурак», — лениво подумал я. «Поверил? Ну, ну. Как теперь домой-то пойдешь? Пешочком? Часа два через лес...» Но я все равно продолжал сидеть, слушая стрекот цикад и кваканье жаб. Вот так же они стрекотали и квакали в этот самый день, девяносто пять лет назад... Может быть из-за них, — не знаю, — я и сам не заметил, как уснул прямо там, на пригорке. И снилось мне... Нет, не Ирка.

Из окна Дома Советов бил пулемет, сдерживая наступающие по Долгому мосту цепи. Грохали трехлинейки, рвались гранаты. Потом кто-то заорал: «Обходят! Через пруд переправились!» Потом я и еще какие-то люди бежали по темным улицам. И надо было взорвать Пороховой погреб, но какой-то придурок забыл ключи в Совете и мы

никак не могли открыть железные двери... Потом мы снова бежали, и кто-то что-то кричал... Ночью добрались до какой-то деревни... Знакомые, блин, места! И дальше, дальше... И вот перевалили через железку, заросли тут какие-то... Всё! Нет больше сил! Я повалился прямо в заросли ивняка и сразу уснул... Во сне, получается что ли, уснул? Странно...

— Савушкин! — услышал вдруг я. Кто-то яростно тряс меня за плечо. — Савушкин! Да проснись же, черт! Нашел время дрыхнуть! Беляки нас нашли! Донес кто-то.

— Пошел ты.., — сонно пробормотал я. Тем более, судя по фамилии, обращались явно не ко мне.

— Товарищ Савушкин! Немедленно проснись! Я приказываю!

«А? Что? Это мне что ли?»

Я с трудом разлепил глаза. Ко мне склонилось молодое скуластое лицо с прищуренными глазами. И было в нем что-то смутно знакомое. Где-то я его... Но зачем этот парень нацепил кожанку? И еще фуражку с красной звездой.

— Ты... кто?

— Заткнись, дурак! — прошипел он. — Белые здесь. Прорываться надо, а ты разоспался тут! Кое-как добудились... Думали, помер уже.

— Какие белые? — тупо спросил я и попытался встать, но парень тотчас сбил меня с ног.

— Лежать!

Тут я окончательно проснулся. Это был тот самый пригорок. Только заросли стали гуще и... следов моего костерка не было! И пустой полторашки из-под «Жигулевского» с такой знакомой желтенькой этикеткой я что-то тоже не замечал. Зато тут и там вокруг меня лежали на земле больше десяти мужиков, кто в форме, — времен Гражданской, ага! — а кто и в штатском. У мужиков были винтовки и револьверы.

Парень, который со мной говорил, недовольно на меня глянул и пополз куда-то в кусты.

— Кто это? — осторожно спросил я усатого мужика лет сорока в бесформенной шапке с приколотой красной лентой.

— Все еще спишь что ли? Сашу не признал?

— Какого еще Сашу?

— Не время шутить, товарищ, — укоризненно произнес он.

И тут я взглянул на себя. На мне был армейский китель цвета хаки, перетянутый портупеей, и галифе, заткнутые в высокие грязные сапоги. А на широком ремне лежала кобура с револьвером.

— Ну ни хрена ж себе! — ошарашено протянул я.

— За мной! — заорал вдруг где-то в кустах тот, кого называли Сашей. — Бей беляков!

Вслед за ним заорали и остальные и тут же, вскочив на ноги, открыли огонь из всех видов оружия, стреляя в невидимого мне за кустами противника. Я тоже вскочил и побежал следом за всеми. Потому что рядом с моей головой, противно свистнув, в землю вдруг врезалась пуля, выбив фонтанчик слежавшейся грязи. А потом пули внезапно защелкали, кажется отовсюду.

Я бежал вперед, низко пригнувшись, проламываясь сквозь молодую иву, а перед моим внутренним взглядом все стояло это странно знакомое мне лицо. И я вспомнил, где его видел.

Он часто смотрел на меня со страниц разных сборников и воспоминаний. Александр Бабушкин — председатель Ижевской ЧК 1918-го года.

Это был первый реальный бой, который я видел своими глазами. Правда, мое в нем участие стремилось к нулю.

Пробежав метров триста, мы, по команде Бабушкина, залегли за железнодорожной насыпью. Все стали стрелять, положив винтовки на рельсы. Чтобы не выделяться, я тоже вытащил револьвер. «Наган», если я правильно понимаю. Как этой штукой пользоваться? По фильмам, вроде просто — взвести курок и... Грохнул выстрел. Пуля с противным визгом скрикошетила от железного рельса, чуть не оставив меня без глаза. Я вздрогнул от неожиданности и решил больше пока не экспериментировать.

Осторожно выглянув из-за рельса, я увидел, как с той стороны к нам приближаются какие-то люди. Не меньше сотни, может, и больше. Они лежали в высокой траве, паля в нашу сторону. Потом кто-то вскакивал, пробежал несколько метров и снова падал. Было понятно, что если так пойдет дальше, скоро они до нас доберутся. Слишком много их было.

Видимо «наши» тоже это сообразили.

— Саша! — крикнул справа от меня тот самый мужик в шапке с красной лентой. — Я с милицией их задержу! Бери остальных, уходите!

— Не могу! — отозвались слева. — Я должен...

Пуля звякнула в рельсу прямо передо мной, аж искры брызнули. Я испуганно вжался в землю, пропустив конец фразы.

— Уходи! — снова крикнул мужик. — Все пропадем! Соберешь наших в Агрызе и...

Новая пуля!

«Вот черт, да ведь меня реально могут тут подстрелить!», — сообразил я.

— Ладно! — прокричал Бабушкин. — Милиция остается! Остальные за мной!

— Спасибо, Матвей, — бросил он, уже сползая с насыпи. — Я не забуду.

Матвей? Ну, конечно! Матвей Сошников. Он прикрывал отход. Его отряд будет уничтожен, а сам он, раненый, попадет в плен. Я помнил это по описаниям.

Впрочем, предаваться воспоминаниям мне было некогда. Торопливо скатившись с насыпи, я бросился вслед за Бабушкиным, на ходу запихивая не пригодившийся «Наган» обратно в кобуру. В суматохе я не подумал, что последний приказ может ко мне и не относиться. В конце концов, откуда мне знать, из милиции я, — вернее, Савушкин этот, — или нет? Но, раз меня никто не остановил, видимо, все же нет.

Мы долго бежали через ржаное поле. Хорошая рожь. Высокая. Чуть не с головой скрывает. Потом свернули к топкому берегу мелкой речушки и несколько часов петляли по лесу. Счет времени я потерял. Несколько раз приходилось залечь и лежать, вжавшись в землю, слыша вдали чьи-то перекликающиеся голоса.

К тому моменту, как мы, наконец, остановились, я задыхался от быстрого бега и уже плохо соображал, но, если я правильно сориентировался на местности, мы сейчас были немного севернее Завьялово. Начинало смеркаться.

— Кажется, оторвались, — сказал Бабушкин. — Здесь заночуем.

Я огляделся. Мы расположились на лесной поляне возле могучего поваленного ствола, со всех сторон обросшего мхом. Было на удивление тихо, отчетливо слышалось тяжелое дыхание изможденных людей.

— Я и... Савушкин на часах. Остальным спать.

А я и не сразу сообразил, что это он про меня. Это ведь я теперь Савушкин. Но как, черт побери, так получилось?! Может, я все еще сплю? Какой длинный сон! Так не быва-

ет. Но тогда... Я на самом деле в отряде Бабушкина? В 1918-м году? И там, к северу, восставший Ижевск? Как говорят в голливудских фильмах — «Holy shit»! Возможно такое? Приходится признать, что видимо да. Вон он, председатель ЧК Бабушкин, винтовку проверяет. А вон его люди, повалились кто где, кое-кто уже спит, походу. И всё до невозможного просто реально. Нет, братцы-кролики, это не сон. Но что же мне теперь? Жить в 1918-м году? И как же мне тут жить?

Тут мои мысли прервало громкое урчание в желудке. В моем желудке. И я вдруг почувствовал голод. Как бы там ни было, а организм настоятельно заявлял о своих потребностях. Ему все равно, какой сейчас год — 2013-й или 1918-й, а пожрать вынь да полож. Желательно вовремя.

— Что, товарищ Савушкин, есть охота? — усмехнулся наш молодой командир. — С этим, брат, плохо. Ни у кого пайка с собой нету. Не подумали прихватить. На вот, воды хоть попей.

Он протянул мне железную флягу и я машинально принял ее. Пить мне тоже дико хотелось. Еще бы — столько побегать! Я сделал несколько глотков и с сожалением вернул флягу обратно. Надо ведь и хозяину что-то оставить.

— Выше нос! — сказал Бабушкин. — Подежурим часа два, потом сменишься. Мошкина, вон, разбужу.

— А...

— Я? Мне спать не охота. Подумать надо, как теперь быть.

Тут он вдруг помрачнел и отвернулся. Я услышал, как он скрипнул зубами. Да, непросто ему. Это я тут вроде как наблюдатель сторонний, — хотя, вспомнив свистящие пули, я в этом засомневался, — а он...

Александр Бабушкин... Товарищи звали его просто Сашей. Ему был всего двадцать один год, когда он возглавил городскую ЧК. Впрочем, они все были молоды — ижевские большевики августа восемнадцатого. Самому старшему не больше тридцатника. Саша был фанатичным рево-

люционером, такое впечатление сложилось у меня из прочитанного. И вот он передо мной, не в виде тусклого черно-белого фото и типографского шрифта или буковок с монитора. И я знаю, что два дня спустя, раненый, он попадет в плен при глупой попытке отбить Ижевск с отрядом из сорока человек. Его бросят в подвал под заводской башней и после пыток прикончат штыками. Позже его именем в Ижевске назовут улицу.

О чем он думал сейчас, вглядываясь в августовские сумерки? О том, что не справился, допустил заговор, не удержал Ижевск и даже не смог взорвать пороховой погреб и теперь в руки мятежников попадут так нужные им два миллиона патронов, гранаты и пулеметы? Или он думал о матери и двух младших сестренках, что остались в Ижевске в тесной коморке на Церковной улице, и сейчас со страхом думают, сумел ли он вырваться из того ада, в который превратился для большевиков город ночью восьмого августа?

Тут мои мысли скакнули в другом направлении. Допустим, я правда здесь оказался и сейчас у нас вечер 9 августа 1918 года. Как я сюда попал, это отдельный вопрос. Та СМС-ка... Кто мне ее послал? Ведь именно из-за нее я сижу сейчас здесь, в темном лесу, охраняя сон полутора десятков беглецов, вместо того, чтобы, как обычно, зависать в Интернете.

И что это все значит? Давайте прикинем. Это, например, значит, что я могу сам, а не по книжкам, увидеть все, что происходило, побывать в старом Ижевске, окунуться в атмосферу Восстания, которым я бредил еще так недавно, а может быть даже...

Стоп! А кто я, собственно, здесь такой? Почему Савушкин? Почему я одет по здешней, скажем так, моде? Почему эти люди и сам Бабушкин считают меня своим?

Это стоило прояснить в первую очередь. Для начала я принялся рыться в карманах.

«Ну-ка, что там у него в карманс-сах?!» — вспомнилось вдруг некстати.

«В карманс-сах» у Савушкина, — то есть, у меня, — оказалась помятая упаковка сигарок, похожих на самокрутки (мне сразу же захотелось курить, но я отложил это дело), коробок фосфорных спичек, огрызок карандаша и несколько ассигнаций.

В нагрудном кармане моего кителя обнаружилась пачка бумаг. Украдкой глянув, не смотрит ли на меня кто, я развернул первую из них. Это был документ на имя Савушкина Александра Владимировича, — надо запомнить, — о том, что он прикомандирован к Ижевской ЧК по направлению Вятского областного комитета партии. Под документом стояли подписи и печать, а также дата — 1 августа 1918 года.

Выходит, я появился в Ижевске недавно? Надо будет уточнить. Да я еще и к тому же чекист... Мама дорогая! Попадусь в руки «белых», закончу, как Бабушкин, не помилют. И если просто пристрелят, можно считать — повезло.

Так, а это еще что такое? Ну, ясно. Продовольственная карточка. Товарищу Савушкину паек полагается, как всякому приличному чекисту. На довольствие, значит, уже поставили.

А тут что? Я вытащил черно-белую фотографию, взглянул на нее и обомлел. С фотографии на меня смотрела Иринка.

Вот тут я не выдержал и закурил. Спички были дурацкие, негодные никуда. Крошились только. Но все же, после нескольких тщетных попыток, мне удалось прикуриться. А может, не спички в том виноваты были. Может, руки тряслись.

Вкус у сигарки был отвратительный. Будто сушеной лебеды туда вместо табака напихали, да и нассав на нее предварительно. А крепкие, сволочь, — легкие просто дерет. Да, это вам не «Bond» и даже не «Балканка». Больше

всего оно походило на болгарские «БТ», которые мне довелось разок покурить в далекой безденежной юности. Ну ладно, черт с ним со вкусом, спасибо, что вообще есть, что покурить.

Немного успокоившись, я снова глянул на фото. Может быть, я обознался? Пять лет ведь прошло, а воображение и не такие штуки выкидывать может.

Чем больше я вглядывался в фотографию, тем больше я сомневался. Да, они были похожи. То же лицо, тот же взгляд. Но у Иринки была коротка стрижка, — карэ, кажется, она называется, а на фото я видел длинные волосы, уложенные в косу и чуть прикрытые изящной дамской шляпкой, какие носили в начале века. Ну и платье, конечно. Трудно было представить Иринку, которую я помнил исключительно в джинсах и стильных блузках, одетой в таком ретро стиле. Так она это или нет?

Попыхивая отвратительной сигаретой, я задумчиво разглядывал фотографию, но не мог дать однозначный ответ. Теперь я был ни в чем не уверен. Что ж, запишем в наш список загадок, вместе с той СМС-кой и моим появлением здесь в образе чекиста Савушкина.

Тут я додумался перевернуть фотку. На обратной стороне изящным почерком синими чернилами было выведено «С любовью от Маши». Маша, значит? Спасибо, что не Ирина. А то бы я точно поверил в мистику. Чуть ниже крупными неровными буквами и уже другими чернилами было выведено: «Базарная, 25», после чего стоял жирный, как мартовский кот, вопросительный знак. Ну и что это может быть такое? Очевидно, адрес. Чей? Этой... Маши? Но почему рядом с ним красуется знак вопроса?

Базарная... Такая улица была в старом Ижевске. Теперь, — нет, надо привыкать мыслить по-новому, — в будущем ее назовут улицей Горького. Имело это для меня какое-то значение или нет, но я твердо знал, что не успокоюсь, пока не узнаю кто такая эта Маша-Ирина. А для этого мне нужно побывать по этому адресу. Пока что это

была единственная зацепка. Но чтобы там побывать, необходимо пробраться в Ижевск. Непростая задача для чекиста в такое время! Ладно, план действий мы составим потом.

Я аккуратно сложил бумаги и сунул обратно в карман. Рядом со мной был еще один источник информации, стоило попытаться его использовать. Вот только как? Как вытащить из товарища Бабушкина то, что он, возможно, знает, не вызвав его подозрений? Тоже задачка та еще. Но попробуем...

— Товарищ Бабушкин! Эээ... Саша!

— А? Что?! — он отреагировал так, будто только заметил мое присутствие.

— Долго меня будить пришлось?

— Не понял... А, ты про это. Да уж долго. Не думал, что так дрыхнуть можно. Хотя после такого дня все может быть, вот и разморило, наверное.

— А как по-твоему, я хорошо держался... там, в Ижевске?

— Хоть не бежал, как некоторые, — он отвернулся и сплюнул. — Неудачно ты к нам попал, да? Только приехал — и вот тебе!

Это он верно заметил.

— Да, — я быстро прикинул даты. — Дней пять всего-то.

— Два, — поправил он. — Ты ж к нам седьмого только прибыл. Эх! Если б те бандиты патроны откуда-то не доставили! Сколько у них там в пристрелочных было? По два на винтовку, может. А вечером, смотри, какая стрельба пошла! Где только взяли, заразы?!

— Из Гольян подвезли, — брякнул я автоматом. — Те, что на фронт отправлять собирались. Несколько ящиков.

— Почему знаешь?! Хотя, да. Больше, наверно, бы неоткуда. Но как же с Пороховым-то мы... Вот простить себе не могу. Это что теперь получается? Из-за меня теперь беляки до зубов вооружены. Винтовок-то у них много было, а вот патронов... Ну а теперь и патронов вдоволь —

стреляй не хочу! А кто виноват? Бабушкин виноват. А еще там пулеметы, гранаты... Эх! Расстрелять меня надо по справедливости. Чем теперь искупить?

На его лице было написано искреннее страдание.

«Так вот откуда та дурацкая авантюра», — подумал я. «Вот почему он бросился на Ижевск с горсткой людей, хотя знал, — не мог не знать! — что там тысячи вооруженных мятежников. Он хотел расплатиться за ту ошибку со складом».

И тут я снова подумал, что жить этому молодому простоватому парню, который так переживает, что провалил порученное ему дело, остается дня три. «А ведь я мог бы его спасти», — пришла неожиданная мысль. Отговорить от того, что он тут задумал, например. Мог бы... Или не мог? С чего бы он стал меня слушать?

Можно ли изменить то, что должно случиться? Допустим, я его уговорил и он выжил. Что произойдет? Тут я мог только развести руками. Конечно, мне приходилось задумываться о парадоксах времени — все мы читали или смотрели фантастику. Но то были теоретические, так сказать, размышления. А здесь была самая, что ни на есть практика. Впрочем, я был не в том состоянии, чтобы ломать себе голову над «извечными вопросами бытия». Да и потом, я не был уверен, что хочу что-то менять.

На чьей я стороне? Это ведь Савушкин — красный чекист с неясным для меня прошлым. Но я-то не он. Я — человек двадцать первого века и для меня все эти люди — только персонажи истории. Так или нет?

Нет. Слишком много знал я о них. И, конечно, у меня были симпатии.

Полчища латышей и китайцев, которые вот-вот навалятся на Ижевск вызывали у меня подсознательное отторжение. И все эти «мусульманские полки», австро-венгерские интернационалисты тоже были, скажем прямо, не лучше. А ведь очень скоро все это будет...

Будут, бросая оружие, разбегаться разбитые отряды большевиков, и сам Антонов-Овсеенко еле унесет ноги из-под Ижевска. Под ударами повстанцев рухнет Вторая армия красных — рассыплется, как карточный домик.

Вслед за Ижевском, вспыхнет восстанием вся крестьянская Удмуртия, — ну, то есть Сарапульский тогдашний уезд, — и здесь в руках у крестьян будут не цепи и вилы, а ижевские трехлинейки, которыми щедро снабдит их город-завод. И эти крестьяне, охотно повезут хлеб в «свой» Ижевск. Тот самый хлеб, что они ни в какую не желали отдавать «голодающим пролетариям» Питера и Москвы. Такая вот «спайка города и деревни», о которой мечтали большевики. Вот здесь вы ее накликали, товарищи марксисты. На свою голову.

И Ленин будет слать из Питера в Вятку яростные телеграммы, требуя «любой ценой» и «во что бы то ни стало» раздавить мятежный Ижевск. И желательно, как можно скорее, — вот прямо сейчас! Потому что летят уже донесения, что рабочие полки красных отказываются идти на рабочий Ижевск...

И тогда против Ижевска бросят ударные силы большевиков — латышских стрелков и наемные китайские роты, поддержав их батальонами балтийских матросов и «мусульманскими полками». Кольцо вокруг города будет сжиматься все туже и туже, а патронов, захваченных вчера в Пороховом складе из-за ошибки вот этого Саши Бабушкина, будет все меньше и меньше.

И будет финал. Тот последний бой за Ижевск, когда храбрость отчаяния и нехватка патронов, — их выдадут по три-пять на винтовку, — заставит ижевцев подняться в штыки...

Тут я вдруг очнулся, резко вскинув голову, и понял, что чуть не заснул. Не спать, не спать! Я же, вроде как, часовой...

В общем, все это я знал. Странное чувство — знать буду-

Александр Семенович Бабушкин

щее. Так что же мне делать со всем этим знанием? Наверное, пока ничего. Пока что у меня была другая задача — надо выяснить, как я сюда попал. Та фотография — это ведь ключик, надо попытаться его использовать.

«А какого это хрена я тут сижу», — мрачно подумал я. «Этот отряд, например, благополучно пробрался в Агрыз. Вот я это знаю. А значит, никто на нас ночью не нападет. Нафига зазря караулить, если можно спокойно спать?»

Вот оно — знание. Знаешь, но не можешь сказать. А значит — придется терпеть.

Наверное, я все равно задремал. Очнулся, когда Бабушкин тронул меня за плечо.

— Сменяйся, давай, — сказал он. — Очередь Мошкина. Иди... досыпай.

Я вяло кивнул и провалился в сон. Теперь уже официально.

«Наш паровоз вперед летит, в Ижевске остановка, иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка», — пробормотал я себе под нос немного переиначенные строчки ранним утром одиннадцатого августа, сидя на открытой платформе, прицепленной к паровозу «Щ», или как их называли в то время, «Шуки». Пыхтя и пуская клубы черного дыма, паровоз вез нас к Ижевску.

До меня не сразу дошло, но в тот самый момент, когда я ни с того ни с сего проснулся чекистом Савушкиным, я оказался заложником своего положения. Покинуть отряд я не мог. Просто взять и уйти? Да меня тут же шлепнули бы как дезертира! События развивались как бы сами собой, не давая мне никакой возможности действовать по-другому.

Вот почему десятого утром я потащился с Бабушкиным в Агрыз, а к вечеру вместе с другими «товарищами» туда прибыл.

Расположенный километрах в сорока к югу от Ижевска, Агрыз уже тогда был важной узловой станцией на Московско-Казанской железной дороге. Я в нем бывал пару раз, но сейчас, конечно, передо мной лежал совсем другой Агрыз. И городом-то он еще не был, а, скорее, крупным селом, в беспорядке застроенном деревянными домами и бараками. Вместо привычных асфальтовых дорог между ними бежали грязные и разбитые грунтовки. Соответственно, вместо «Лад» и «Порше-Кайенов» по ним передвигались запряженные в телеги кобылы. Из-за заборов мычали коровы, брехали собаки и кудахтали куры. Большая деревня, в общем. Однако посреди моря деревянной застройки возвышались минареты аж трех мечетей, свер-

кая полумесяцами в лучах заката — татарское село, понятное дело.

Пока мы шли по кривым улочкам к вокзалу, на нас из окон и из-за ворот с интересом поглядывали татары. Зрелище было совсем не внушительное — пятнадцать грязных оборванных мужиков, мрачно смотревших на мир голодными глазами. Правда, с винтовками за плечами. Но отряд этот был первой ласточкой, и невдомек вон тем, например, старикам-татарам, что дружно повернули головы в тубетейках в нашу сторону, — отнюдь не весну им эта ласточка в сени несет...

Они думают, что всего уже навидались — последние дни через Агрыз один за другим шли к Казани красные эшелоны, везя на фронт солдат, оружие и боеприпасы. Но это все были цветочки. Ягодки будут через пару недель, когда сюда подойдут ижевцы и мирное село на два месяца станет ареной жестоких боев.

Когда мы дотопали до вокзала, Бабушкин немедленно бросился разыскивать местное начальство. Спешил организовать свой карательный рейд, который уже прочно засел в его голове. Двужильный человек! Ничего ему, кажется, не надо, только бы за дело Революции биться. Но мне, да и прочим товарищам, первым делом хотелось жрать. Не есть, а именно жрать. К счастью, приняли нас хорошо. Усадили в столовой прямо на станции и налили густой и горячий гороховый суп с кусками куриного мяса. Хлебая его деревянной ложкой и закусывая большим куском кислого хлеба, я думал, что давно так вкусно не ел. Успокоился я только когда смолотил две тарелки. Теперь можно было и покурить. Я довольно рыгнул, отложил ложку и чуть покачиваясь от внезапной сытости вышел на улицу.

Сразу за перроном начинались железнодорожные пути, и было их только три против восьми или десяти в наше время. На путях стоял готовый к отправке состав. Седой

железнодорожник в форменной фуражке шел вдоль него, деловито постукивая молоточком по колесам. Зачем они это делают, я никогда не знал. Пахло железной дорогой. Этот особенный запах нравился мне еще с детства, есть в нем что-то такое особенное, романтическое. Я вообще всегда любил поезда и, когда надо было куда-то ехать на поезде, для меня это было настоящим маленьким праздником. Такие дела.

Раскуривая папиросу, я изучал местный информационный стенд, наскоро сколоченный из необструганных досок. На нем висел самодельный плакат, призывающий всех на борьбу с «белочехами». На плакате был изображен, надо полагать, тот самый белочех, со зверским выражением лица нацелившийся штыком в безоружного рабочего. Рабочий взирал на штык с каким-то немим укором. Оперативно, однако, сработали местные агитаторы! Откликнулись, так сказать, на злобу дня.

— Цыгаркой не угостишь, товарищ чекист? — услышал я ломкий голос и обернулся.

Ко мне подошел Ваня Мошкин — щуплый веснушчатый паренек лет семнадцати. В свое время я бы, скорее всего, послал этого школьника, тянущегося к никотину, подальше, но время сейчас было другое, и я протянул ему самокрутку. Пока он прикуривался, к нам присоединился еще один «бабушкинец». Леконцев Фрол, кажется, его называли. Рыжий удмурт, лет на пять старше Мошкина. «Если так пойдет дальше, мне скоро самому придется сигареты стрелять», — подумал я, выдавая ему «цыгарку».

— Как думаете, товарищи, будем здесь ночевать, или сразу поедем? — серьезно спросил Ваня, и я понял, что ему до смерти хочется хоть маленько передохнуть, но он боится проявить перед нами слабость.

— Дак не знай, — ответил Леконцев, пожимая плечами. — Как Саша скажет. Он на станцию звонить побежал.

Юный коммунар приуныл, а меня слова Леконцева вдруг натолкнули на интересную мысль. Вот же он выход!

Может сработать... Риск есть, но он так и так будет, а мне до зарезу надо в Ижевск. И чтоб руки у меня там были развязаны. И мой план действий мгновенно созрел. Такое дело стоило бы отметить. Да и вообще, подумал я, стресс неплохо бы снять хоть немного.

— Не поедem мы сейчас никуда, — сказал я. — Ночевать будем в Агрызе. В Ижевск утром двинем.

— А чего так? Саша говорил поскорей бы надо.

— А потому, товарищ Леконцев, что двинемcя мы туда на поезде. А поезд еще подготовить надо. Всю ночь провоzятся. Так что нам с вами в самый раз отдохнуть.

— Ну тадысь может и так.

— Так, так. А что, парни, пива здесь реально достать? Они переглянулись.

— Как достать? — спросил Мошкин.

— Ну, купить где-нибудь можно?

— Вокзалын овод, бигерьёслэн вань! — оживился Фрол.

Моих скудных познаний в удмуртском хватило, чтобы понять, что он предлагает купить у татар.

— Ну и отлично, — сказал я, доставая свои ассигнации. — Ты, Ваня, у нас самый младший, тебе и бежать.

Я не знал, сколько может стоить здесь пиво, но предположил, что не слишком дорого. В голове у меня крутилась единственная цифра, которую я помнил — зарплата рабочего на Ижевском заводе была рублей сорок. Поэтому я протянул ему самую маленькую из имевшихся у меня купюр — 3 рубля.

— Держи, сбегашь до ларька.

— Куда сбегать?

«ТЬфу ты, черт! Надо за языком следить!», — одернул я сам себя.

— Ну, в магазин, в лавку, Фрол же сказал, татары тут приторговывают.

— Понял!

Он схватил деньги и рысью завернул за здание столовой. В общем, снять стресс хотел явно не я один.

А пиво, кстати, оказалось хорошим. После здешнего табака, я был готов ко всему, но нет. Неплохое такое пиво, пить можно...

За ночь местные железнодорожники подготовили наш импровизированный «бронепоезд». К паровозу подцепили вагон типа «скотовоз», на него навесили стальные листы и пробили бойницы. У раздвижных дверей уложили мешки с песком и установили «Максим».

Утром Бабушкин собрал свой отряд, пополненный здешними коммунистами до сорока пяти человек, считая машиниста. Собрал он нас прямо на путях перед вагоном и произнес пламенную речь о «контре», беляках и необходимости немедленно раздавить бандитов, вырвать Ижевск из их грязных лап. В общем, стандартный набор. Товарищи преисполнились энтузиазма, я же слушал эти патетические воззвания просто с тоской. Затея была бредовой, и я знал, чем она кончится. Кто-то из здешнего вокзального персонала уже успел позвонить в Ижевск и сдать весь замысел молодого председателя ЧК. Так что нам уже подготовили теплую встречу.

Половину этих ребят к вечеру перебьют, остальных возьмут в плен. Конечно, делиться своими соображениями я с ними не стал. И не потому, что желал им смерти. На самом деле они были неплохими людьми. Решительные, смелые парни. В большинстве своем, такие же рабочие, как и те, что спустя несколько часов откроют по ним убийственный огонь.

Вот Ваня Мошкин. Отца убили на германском фронте, поступил на завод в четырнадцать лет, — надо было матери помогать, — честно работал за копейки. При этом — активист большевистского Союза Рабочей Молодежи. Искренне верит в марксизм, хотя, я уверен, об учении немецкого бородача имеет крайне смутное представление и слышал о нем только из пересказов старших товарищей.

Фрол Леконцев, как говорили тогда, из крестьянской бедноты. Из какой-то деревни он, вроде, из Зятцев. Вечно в долгах, работал на местного «богатей». Несправедливо, считал он, это. Плюнул, в город подался. И, думаю, трудился бы он в заводских мастерских на совесть, да большевики его за происхождение наверх двинули, чем-то мелким заведовать посадили. И простодушный удмуртский крестьянин проникся. Теперь вот тоже «марксист».

Нет, этим людям я зла не желал. Это не пришлые китайцы и латыши, которые скоро сюда стервятниками слетятся. Это «свои». Только поверившие большевикам. Вот она где — настоящая-то Гражданская.

Но я должен был пробраться в Ижевск. Там, на Базарной 25, возможно, был ключ ко всем странным событиям. Я не мог такой шанс упустить. Ночью я еще раз обдумал свой план. Можно было, конечно, смыться по-тихому. Но, взвесив все за и против, я не решился. Попадусь красным — пристрелят, как дезертира. Нарвусь на патруль ижевцев — прикончат, как чекиста или шпиона. С подозрительными типами, вроде меня, здесь не церемонятся. Нет, будем придерживаться плана «внедрения», на который натолкнули меня вчера слова Фрола.

Вот так я, вместе со всеми, оказался в нашем бронированном скотовозе.

Кстати, в руках у меня действительно была винтовка. Мне выдали трехлинейку и двадцать патронов к ней. И еще четырехгранный штык. Это внушительное вооружение дополнялось «Наганом» в поясной кобуре. Хоть прямо сейчас в бой, одно что я из трехлинейки никогда не стрелял. Максимум из мелкашки. И ведь не попрактикуешься — подозрительно будет. Ну и ладно, может, стрелять по-настоящему мне не придется.

Мимо проносился совсем незнакомый пейзаж. Странно. Я ведь по этой железке сколько раз ездил. Но я помнил вдоль нее сплошные поля с небольшой лесополосой, отде-

ляющей железную дорогу от автомобильного шоссе. А здесь не то, что шоссе не было, так еще и пути бежали через глухой лес. Тайга настоящая. Этот лес потом, во время Великой Отечественной, изведут на дрова.

В полдень мы проскочили Юськи. До часа «Икс» оставалось совсем немного. Волновался ли я? Еще как! Один раз мне уже довелось побывать под пулями и воспоминания остались не из приятных. Но там была так, детская забава. Сейчас будет круче. Про себя я уже решил, что не буду стрелять в ижевцев. Если только для виду. Или если придется всерьез защищать свою жизнь. Хорошо бы, когда начнется, куда-то заныкаться, чтобы в нужный момент сдать-ся в плен. И еще хорошо бы, чтоб до этого момента меня не приветила какая-нибудь шальная пуля. Ладно, чего гадать, будем действовать по обстоятельствам. А что еще остается?

Пронзительный паровозный гудок внезапно оборвал мои размышления. Состав начал тормозить, скорость заметно упала.

Большевики заволновались, некоторые сунулись в дверь, пытаясь разглядеть, что там впереди. Сзади у паровоза открылась дверь, и над сцепкой показался полуголый кочегар с чумазым лицом.

— Что случилось? — прокричал ему Бабушкин.

— Паровоз на путях! Не проехать!

Вот она, та засада. Значит что? Началось? Ну, с Богом, друзья!

Вид на улицу Троицкую с колокольни Александро-Невского собора. Начало 20-го века.

Место для засады на нас было выбрано очень удачно. Слева от железной дороги поднимался высокий холм, покрытый вековым ельником, справа тянулся глухой лес, а перед ним заболоченная низина, усеянная поваленными стволами и заросшая густым кустарником. Отсюда до ижевского вокзала было еще километров пять-шесть.

С шумом выпустив пар, паровоз окончательно остановился. Повисла звенящая тишина, так что было слышно, как тренькают насекомые. Я осторожно сместился подальше от баррикады мешков у выхода из вагона. Мой китель взмок от пота, может от того, что в вагоне, набитом людьми, правда было жарко, а может и потому, что я знал — с минуты на минуту начнется стрельба.

Все мы смотрели на Бабушкина. Ждали приказа. Вытащив револьвер, Бабушкин чуть приподнял им за козырек сползшую на глаза кожаную кепку, и глянул на своих людей:

— Егоров! — скомандовал он. — Со своим десятком обходите слева. Десяток Хвостова — за мной. Остальным — оставаться в вагоне. Держать все под прицелом. Вотинцев — к пулемету!

Дурацкий приказ. Как и весь этот рейд. Хотя я бы тоже не знал, как действовать. Мы уже проиграли.

Похватав винтовки, парни попрыгали из вагона и, держа под прицелом заросли, двинулись цепью вперед. Вот тут и началось.

Грохот выстрелов разорвал тишину. Сквозь узкую щель я увидел, как на склоне холма замелькали вспышки, тут и там висел пороховой дым. Слева по нам бил пулемет, пули вгрызались в обшивку вагона, рикошетили от стальных листов, выбивали фонтаны щепок, вспарывали мешки

с песком.

Нервы у все были на пределе, но наши ответили почти сразу. Что творилось на насыпи, я не видел, а в вагоне все бросились к бойницам и выходам, открыв беспорядочный огонь из винтовок в сторону предполагаемого противника. Тут же застрочил и наш пулемет. От грохота, диких криков и трехэтажного мата у меня заложило уши. Вот он какой — бой...

Сам я не геройствовал. Быстро загнав патрон в свою трехлинейку, я вжался в угол вагона, вцепившись в цевье винтовки. Смотреть, что происходит снаружи, мне не хотелось. Хватило и того, что я и так видел. Первым погиб Вотинцев. Только что он строчил из «Максима» и вдруг сполз на пол, заливая мешки кровью. Пуля раздробила ему череп. Тут же упал толстый мужик в гимнастерке, его имени я не знал. Этот словил аж две — в грудь и плечо. Ване Мошкину повезло больше, подарок ижевской трехлинейки разбил ему кисть руки и, кажется, оторвал пару пальцев. Он полз по полу, прижимая к себе искалеченную руку, и громко кричал. Зрелище было жуткое.

Я сглотнул и облизал пересохшие губы. Видок у меня был, наверное, еще тот. Столько крови зараз я еще никогда не видел. Да еще трупы. Страшно, в общем, мне было, не буду скрывать.

К счастью, все продолжалось не долго. Минут пятьдесят, как мне показалось. Потом все как-то само успокоилось. Наши, не выдерживав обстрела, укрылись подальше от выходов. За стенками хлопнуло еще несколько выстрелов, потом замолчали и там. Слышно было только, как тихо поскуливал Мошкин.

— Че делать-то, ребя? — спросил Леконцев дрогнувшим голосом, не глядя ни на кого.

Ему никто не ответил.

Я подсел к Ване и, оторвав кусок от его рубашки, попытался перетянуть руку повыше кисти. Было ясно, что без первой медицинской он у нас тут истечет кровью. Парниш-

ка совсем ошалел, мне с трудом удалось разжать его мертвую хватку.

Пока я накладывал импровизированный жгут, кому-то хватило ума высунуться из вагона. Не знаю зачем. Грохнули сразу несколько выстрелов, — пять или шесть, — и «умник» с криком рухнул вниз, на пути. Крови в вагоне добавилось.

— Перестреляют тут, — сказал кто-то рядом со мной. — Перестреляют ведь всех!

Это он заорал уже истерически. Я его понимал. Сам изо всех сил пытался сохранить хладнокровие. В этом мне, как ни странно, помог как раз Ваня. Сознание того, что кому-то требуется моя помощь, помогало не потерять голову.

— Да не дергайся ты! — прошипел я, затягивая жгут. — Терпи, парень. На войне, как на войне, — не слыхал что ли? Нормально все будет, нормально! Водка есть у кого? Дайте ему. И мне... тоже можно.

Угрюмый Филимонов, — тоже чекист, как я понял, — протянул мне стеклянную флягу. Мошкин закашлялся, когда я поднес флягу ему ко рту. Но он пил, зубы стучали о горлышко. Я тоже хлебнул — водка, явно, была паленая.

— Эй, большевики! — раздался вдруг снаружи насмешливый голос. — Долго сидеть там будете? Сдавайтесь!

— Не бойсь, стрелять не будем! — также весело добавил кто-то.

— Ага, просто повесим и все! — отозвался еще один.

В ответ грянул взрыв хохота.

— Посмеялись, и будет! — перекрыл все первый голос. — Значит так. Времени вам, господа, даю пять минут. Выходим без оружия с поднятыми руками. По одному. Все, кто рабочий — отпустим домой. Товарищам большевикам обещаю справедливый суд. Если нет — всех перестреляем на месте. Я жду, господа.

— Ну, че делать-то будем? — повторил Леконцев.

Все почему-то посмотрели на меня.

— Александр Семенович, очевидно, убит, — как бы

извиняясь, сказал мне Василий Дедюхин, человек с внешностью школьного учителя в круглых очках. Он был каким-то партийным товарищем, но кем именно я не знал. — Хвостов и Егоров, видимо... тоже. Получается, вы теперь старший по званию, товарищ Савушкин.

Он пристально смотрел на меня. Остальные, наоборот, отводили взгляд. Мдя... Счастья привалило! А тут еще Филимонов наклонился ко мне и прошептал:

— Этим-то, может, ничего и не будет. А нас с тобой беяки... Сам понимаешь.

Я медленно вытер о штаны перепачканные кровью Мошкина руки, потом так же медленно поднялся на ноги. Немного постоял, подыскивая слова.

— Товарищи, — сказал я. — Понятно, что мы попали в засаду. Их там больше сотни. Нас здесь осталось семнадцать человек и среди них раненые. Дальнейшее сопротивление считаю бессмысленным. Мы сдаемся. Возражения?

Возражений не было. Большинство одобрительно кивало. Только Дедюхин и Филимонов потрясенно уставились на меня. Надо полагать, они ожидали другого решения.

— Есть у кого белый платок? — спросил я.

Кто-то протянул мне замызанную серую тряпку. Я стиснул ее в кулаке, и глубоко вдохнув, как будто собирался прыгнуть с вышки в бассейн, шагнул к двери. После темноты вагона яркий дневной свет заставил прищуриться.

Чуть не поскользнувшись в луже крови, я спрыгнул на землю и сразу же высоко поднял руки. Для верности несколько раз махнул «белым флагом». Из кустов вышли человек десять и, направив на меня винтовки, там и остановились. Ко мне направились четверо, под ногами у них скрипел гравий. Пока они приближались, я успел увидеть нескольких наших, в беспорядке лежавших вдоль насыпи. Кое-кто из них, возможно, был еще жив. Сашу Бабушкина я среди них не видел.

Под дулами винтовок остатки отряда выбрались из вагона. Всех нас тут же выстроили в шеренгу лицом

к стене, обыскали, — причем у меня изъяли револьвер, о котором я совершенно забыл, — после чего велели развернуться.

Во время этой процедуры подтянулись остальные участники засады. На железной дороге сразу стало как-то слишком уж многолюдно. Тут действительно было больше сотни ижевцев. Большинство не обращало на нас внимания. Кто-то курил, кто-то занялся паровозом, несколько человек запрыгнули в вагон. Судя по радостным возгласам, пулемет им понравился.

Когда мы развернулись, все свое внимание я сразу обратил на высокого человека в военной форме, но без погон, с георгиевским крестом на груди. Аккуратная челка, ровная линия усов, глубоко запавшие глаза — я узнал его сразу. Полковник Федичкин. Главнокомандующий войсками Прикамской Народной армии.

— Поздравляю вас, господа, — произнес тот же голос, что предлагал нам сдаться. — Вы приняли правильное решение. Товарищей чекистов, комиссаров, большевиков прошу пройти вон туда, отдельно, так сказать. Вам, товарищи, у нас особый почет. Остальным можно остаться на месте. Да, и руки опустить уже тоже можно... Как? Не хотите пройти? Неужели ни одного большевика, чекиста? Все рабочие?

Кто-то за его спиной хохотнул.

— Что же вы? — все так же насмешливо продолжил Федичкин. — Вот вы, товарищ Дедюхин. Неужели вы думаете, мы могли вас забыть? Как! И товарищ Филимонов здесь?! Ну, уж вам-то сам Бог велел! Прошу проследовать, не откажите!

Полковник сделал приглашающий жест но, несмотря на всю его дурашливость, я видел, что глаза его смотрят холодно и расчетливо. Из этого взгляда можно было заключить, что ничего хорошего выявленных «товарищей» не ждет. Тут взгляд Федичкина остановился на мне, и мне стало не по себе. Ведь Савушкин этот, в образе которого я

тут зажигаю, тоже чекист.

Запираться, наверное, не имело смысла. Поэтому под пристальным взглядом Федичкина я, как удав перед кроликом, покорно развернулся и зашагал к остальным «товарищам». Полковник кивнул и вроде бы потерял к нам интерес.

Остальных пленников пока оставили при паровозе, там же осталось и несколько десятков ижевцев. Похоже, они собирались перегнать оба поезда в город. К нам же присоединили еще троих пленных из первой партии. Среди них был и Бабушкин. Выглядел он ужасно — лицо превратилось в бледную восковую маску, рубашка на плече вся пропиталась кровью, к тому же он прихрамывал на левую ногу. И только у него, несмотря на ранение, были связаны за спиной руки. Кто-то из наших, Банников, кажется, поддерживал его, чтобы он хоть как-то мог идти.

Стиснув зубы, Саша молчал, глядя прямо перед собой. И только когда его подвели к нам, сказал, как выплюнул:

— Кто приказал сдаться?

Я скромно потупился, но, видимо, кто-то указал на меня.

— Савушкин?! Это предательство! Пойдешь под трибунал.

Вот человек! Ему жить остается всего ничего, а он только о трибуналах думает! Отвечать я не стал. А что тут ответить? Прочие товарищи также меня игнорировали.

«Носы теперь, значит, воротим», — подумал я. — «А ничего, что я полтора десятка ребят спас, которых вы тупо под пули подставили? Герои, блин...»

Всех нас, — коммунистов-чекистов, — вместе с половиной своего отряда Федичкин отправил в Ижевск пешим порядком. Видимо, не терпелось расправиться с нами. Я

шел самым последним, а следом за мной двое конвойных с винтовками наперевес. Остальной отряд передвигался без всякого порядка. Многие ижевцы болтали, обсуждая подробности боя, до нас то и дело доносились шутки и смех. Жаль, что я оказался не с той стороны. Ну да ладно, посмотрим еще.

Глядя на жалкие остатки нашего отряда, я вспомнил, что позже, уже в эмиграции, Федичкин превратит эту стычку в сражение чуть ли не эпических масштабов. В своих воспоминаниях он напишет, что в плен было взято «несколько сотен» большевиков. Ага, щаз. Вот они мы — эти «несколько сотен». Представлены аж шестью «комиссарскими сволочами». Любит, получается, прихвастнуть, наш полковник... Это стоит запомнить. Это, друзья мои, многое о нем говорит.

Конвоем командовал молодой человек лет двадцати пяти в старой военной форме, но тоже без погон. Его лицо показалось мне чем-то знакомым, но как ни старался, я не мог вспомнить, кто он такой. Странно, учитывая, что всех деятелей восстания, чьи фотографии сохранились, я вроде должен был помнить.

Я заметил, что он так же поглядывал на меня чуть нахмурившись, как человек, который пытается что-то припомнить, но только когда мы прошагали около километра, он подошел ко мне и уже хотел что-то сказать, однако, бросив взгляд на других пленных, видимо передумал. Вместо этого он обернулся к конвойным.

— Семен! — сказал он высокому мужику с седыми усами, в котором за версту чувствовались все фронты Первой мировой. — Головой за них отвечаешь. А мне надо вот с этим потолковать. Мы немного отстанем, потом нагоним.

— Но как же, вашбродь...

— Да сколько уже тебе повторять?! Нет у нас больше «ваших благородий», Семен. Не можешь разве без этого?

— Никак нет, вашбродь! Привык. Не могу никак по-дру-

гому!

— Ну, дело твое. Да ты не волнуйся. Он от меня не уйдет.

— Слушаюсь, вашбродь!

Мы отстали от всех шагов на десять и «его благородие» вытащил две сигарки.

— Курите? — спросил он.

— Не откажусь.

Мы закурили и некоторое время шли молча.

— Не узнаете меня? — спросил он вдруг. — Или вид делаете, господин поручик?

— Не имею чести..., — осторожно ответил я в старинной манере.

«Что это еще за поручик?!», — подумал я ошарашено. «Неужто Савушкин? Чекист?! Хотя... Бывали ведь у большевиков и такие. Один Брусилов чего стоит. Должен же и Савушкин был что-то до революции делать. На знакомого, что ли, нарвался? Поосторожнее надо быть».

— Ну, как знаете, Александр Владимирович. А вот у меня память хорошая, не жаловался никогда. Вот только никак не думал, что у красных вас встречу. Как это вас к ним занесло?

Я не знал, что на это сказать и молчал. По всему видно, Савушкин оказался не так прост, как я о нем думал. Надо же — поручик! Или этот парень сильно ошибается. Но ведь он правильно назвал мое имя!

Мое молчание он истолковал по-своему.

— Да что вы, в самом деле! Неужто меня и правда не помните?! Ведь мы же встречались на фронте! Прапорщик Рошин, 22-й Нижегородский. Три года назад, под Горлице, ну? Вы мне тогда, можно сказать, жизнь спасли. Помните, когда немцы на наш патруль выскочили?

Я лихорадочно думал, как бы тут не спалиться. Значит, Савушкин служил в старой армии.... Но если этот Рошин и правда меня знал, то, скорее всего, недостаточно хорошо. Поэтому я решил ответить неопределенно:

— Возможно. На фронте всякое было. Всего не упомянешь.

— Я такого не забываю, — сказал он, глубоко затянувшись. — Но никак вас у красных встретить не ждал. Да еще в нашем Ижевске... Что вы здесь делаете?

— Прикомандирован к здешней ЧК распоряжением Вятского областного комитета, — ответил я в соответствии с документом.

— Так вы еще и чекист! Ну да, надо полагать, раз вас с этими отправили. Да еще и полковник особо насчет вас мне говорил...

Он резко остановился. Я тоже. Рощин курил, часто затягиваясь, пока чуть не обжег пальцы. Потом отбросил окурок. За это время колонна ушла от нас еще дальше.

— Не стоило бы вам говорить, конечно, но вы же и сами понимаете. В Ижевске вас расстреляют. С чекистами у нас разбираются быстро. Допросят — и к стенке. Я не могу этого допустить. Бегите. Я вас не стану задерживать.

— А вы? Что своим скажете?

— А... Скажу что-нибудь. Это уж мое дело. Но должен же я с вами за тот разъезд расплатиться!

Я прикинул плюсы и минусы его предложения. Минусов получалось больше.

— Благодарю. Но вынужден отказаться.

— Как?! — он мне не поверил.

— Предпочитаю добраться до Ижевска. А там увидим.

Он с минуту смотрел на меня.

— Вы странный человек, поручик. Мне об этом еще тогда говорили. Теперь и сам вижу. Ну, если так...

Мы снова зашагали вдоль железной дороги. Рощин достал флягу и протянул мне.

— Вина?

Я отхлебнул. Хорошее вино. Только крепкое.

— А ничего, что с пленным большевиком распиваете?

— Так ведь тут случай особый, — хмыкнул он и тоже отпил. — И все-таки я не пойму — такой человек, как вы

и вдруг с ними! Это же кровопийцы настоящие. До чего страну довели!

— Всякое в нашей жизни бывает, — туманно ответил я. Мы постепенно догоняли колонну.

— У меня очень странное чувство, поручик, — сказал он вдруг, снова остановившись и тронув меня за плечо. Пришлось выдержать его пристальный взгляд. — Мне кажется, что я просто обязан помочь вам. И это даже не связано с тем, что вы жизнь мне спасли там, под Горлице. Мне кажется... Нет, это же просто глупость какая-то!

— Что вам кажется?

— Не знаю даже, как выразить... Я ведь, собственно, знал-то вас всего ничего. Пару дней, можно сказать. Но вот такое чувство, будто нас с вами какое-то родство связывает. Глупость конечно!

Глупость? Да... Или — нет? Перед глазами вдруг все завертелось. Почему мне казалось смутно знакомым его лицо? Но я не мог видеть его на фотографиях — теперь я это знал точно. Я уже перебрал все возможные варианты! Нет, тут было что-то другое. Рошин... Фронт... Горлице... Не может быть! Но если...

— Послушайте, — спросил я, разом охрипшим голосом. — Вы там были ранены? Под Горлице? И получили Георгиевский крест?

— Ну вот, помните, значит.

— Ваш отец был родом из Владимира? Оттуда в Ижевск перебрался?

— Точно так. Но как вы узнали?

— Так просто. Подумалось.

— Все это очень странно... Пойдемте.

Все встало на свои места. Да, мы были родственниками. В некотором смысле. Девичья фамилия моей бабки была Рошина. Ту же фамилию, конечно, носил и ее отец. Ну и его отец, соответственно. Вот он сейчас и вел меня под конвоем. Прапорщик Рошин, который, судя по виду, был лет на пять меня младше, приходился мне пра-прадедом.

Зашибись просто!

До сих пор я не думал, что могу встретить здесь родственников. Но если подумать, почему бы и нет? Но какая же неожиданная встреча-то, а?! С ума можно сойти. Я даже вспомнил, что бабка терпеть не могла этого георгиевского кавалера. Говорила она о нем мало и неохотно. Бросил семью, ушел с Колчаком. И пропал. Такая вот, значит, судьба ожидает бравого прапорщика Рощина. Ну, хоть не погибнет он здесь, получается. Вот взять бы, да рассказать ему, кого он ведет сейчас на расстрел. Я чуть не расхохотался. Может быть, в этом случае меня даже не расстреляют. А упекут в сумасшедший дом, например.

Какое, кстати, интересное совпадение. Оказывается, товарищ Савушкин не совсем уж чужая мне личность, раз спас на фронте моего прямого предка. Ведь если б не он, не было бы меня пожалуй в проекте... Да нет, чушь! Прадеду сейчас лет восемь. Он уже родился, когда Рощин попал в переделку под Горлице, так что в любом случае мое будущее существование на тот момент было уже обеспечено. Но все равно интересная такая случайность. Очень интересная...

А может, зря я тем благородным предложением не воспользовался? Вдруг не сработают все мои хитрые замыслы, и завтра, если уже не сегодня, Федичкин прикажет меня к стенке поставить? Нет, не может быть! Чтобы я, со всеми моими знаниями, и не выкрутился? Да ерунда! Как-нибудь уж разберемся. В общем, не вешать нос, гардемарины!

Так вот, посвистывая себе под нос бодрый мотивчик, я дошагал до Ижевска.

Открывавшийся с южных холмов вид на город заставил меня на секунду остановиться. Я бы и дольше простоял, рот разинув, но, боюсь, народ бы не понял. Пришлось идти дальше, как ни в чем не бывало, хотя, глядя на расстилавшуюся передо мной панораму, я с трудом мог сдержать волнение.

Это был Ижевск, но не тот, к которому я привык. Прежде всего, он был меньше. Там, где в мое время шумели жилые районы, раскинулись непроходимые леса и болота. Сразу бросалось в глаза отсутствие района ж/д вокзала с его многоэтажками и всякими промышленными предприятиями. Самого вокзала тоже не было еще и в помине — он будет построен где-то в пятидесятых, нынешняя же станция располагалась дальше к северу, но до нее мы не дошли, свернули на Казанскую улицу. Я знал, ее как улицу Азина — того самого комдива, что будет штурмовать город через три месяца. По ней ворвется в Ижевск красная конница...

В целом, заречная часть города изменилась мало. Те же кварталы деревянной застройки, лепившиеся друг к другу дворики с огородами. Могло показаться, что время в этом районе остановилось и, невозмутимо пройдя сквозь двадцатый век, он дошел до наших лет в своем первозданном виде.

Вдалеке, на берегу пруда, дымили трубы Завода, там был центр города, его Нагорная часть, лучшие кварталы с каменной застройкой, место жительства состоятельных горожан. Еще дальше сверкали на солнце купола Михайловского собора. В моё время теряющийся на фоне высотных домов, сейчас он возвышался на Горе, как бы доминируя над окружающей местностью.

Издавека Зарека выглядела очень аккуратно — улицы и переулки пересекались здесь строго под прямым углом, создавая впечатление идеального порядка, но стоило нам вступить на эти самые улочки, как в глаза бросилась убогость домишек — грязные, кривые, косые, некоторые вообще стояли заколоченными и вроде как давно брошенными. Приличных домов, в которых не стыдно было бы жить, встречалось на нашем пути довольно мало, а ведь Казанская улица была, можно сказать, главной тогдашней «магистралью». Это чувствовалось и сейчас. Движение здесь было весьма оживленным. Телеги, возы и пешеходы то и дело попадались нам навстречу. Многие шумно приветствовали возвращающийся с победой отряд, узнавали знакомых, останавливались, болтали с солдатами.

Казанская улица тянулась через всю Заречную часть, упираясь в большой квартал, застроенный более аккуратными домами, выкрашенными в синие, желтые и зеленые цвета. Вместо огородов здесь были разбиты вишневые и яблочные сады. Среди зелени и крыш возвышались два высоких минарета. Это была татарская слобода. Среди грязной Зареки она выделялась, словно какой-то сказочный город... может, потому и не дожила до наших дней — в мое время на ее месте дымили цеха «Ижстали».

Глядя на степенных обитателей этих домиков, будто старавшихся перещеголять друг друга красотой тюбетеек, и слыша татарскую речь, я вспомнил, что слобода эта выставит на защиту Ижевска отдельную татарскую роту. В последние дни Восстания она получит приказ прикрыть северное направление, и будет держаться против Особой Вятской дивизии. Выполняя приказ, татары не отступят ни на шаг, в последней рукопашной схватке они погибнут почти все, но вместе с ними в северных болотах останутся лежать сотни латышских стрелков, а полк Володарского, понеся чудовищные потери, откажется идти в наступление. Войти в город с севера большевики так и не смогут...

Идя по Долгому мосту, я видел выбоины от пуль, напо-

минавшие, что два дня назад тут шел бой. В наши дни выбоин этих, конечно, не видно — мост много раз перестраивался. За мостом я, наконец, начал узнавать городские кварталы. Добротные каменные жилые дома тянулись вдоль Базарной, многие из них будут стоять здесь и сто лет спустя. Я шел по Базарной и, вертя головой по сторонам, думал, что если бы в наше время убрать несколько торговых и строительных центров, а с домов снимать вывески окопавшихся там контор, кафешек и магазинов, эта улица будет такой же, какой я видел ее сейчас. Обитатели этих домов очень бы удивились, расскажи я им, что вот здесь вот будет модное кафе, а тут — книжный магазин. Перед пожарным управлением я чуть не остановился. Это было невероятно, но и в наши дни здесь будет находиться пожарная часть. Вот только каланчи в мое время там уже не было.

Поднявшись выше, мы, наконец, оказались в Центре. То есть, это я привык называть его Центром, но здесь это была Базарная площадь. Главным ее отличием от знакомой мне панорамы было отсутствие здания ДК «Ижмаш». Без него — это действительно была площадь, с которой открывался великолепный вид на пруд и заводские корпуса на плотине. Тут же стояла Михайловская колонна — точная копия питерского Александрийского столпа, с которой уже в следующем году расправятся большевики. В мое время колонну восстановили, но теперь она скрыта серой громадой дворца культуры, в котором теперь размещается театр.

А вот Александро-Невский собор посреди площади был в точности таким же. Ну, а чего удивляться? Его ведь реконструировали по старым фотографиям. Не пройдет и двадцати лет, как этот величественный шпиль и огромный купол снесут большевики, а в обрубке собора откроют кинотеатр. А спустя еще шестьдесят, следуя веяниям времени, колокольню и купол отстроят вновь, и храм снова распахнет двери для верующих. Единственное, чем отличался этот храм от того, каким он будет в мое время, это

тем, что я не видел большой таблицы с расценками, типа «Крещение — 500 рублей, венчание — 2000 рублей, отпевание — 1000 рублей» и часами работы. И я даже подозревал, что сейчас там крестят и отпевают бесплатно, а двери собора открыт в любое время.

Вообще, как мне показалось, город жил совершенно спокойно, может даже не вспоминая, что совсем недавно на этой площади свистели пули и лежали убитые и совершенно не думая, что вот-вот вокруг Ижевска развернутся ожесточенные бои с большевиками.

Работали лавки и магазины, на площади шла бойкая торговля, стояли крестьянские возы — воскресный день, ярмарка в самом разгаре. Покрикивали друг на друга возчики, по деревянным мостовым прогуливались под ручку какие-то барышни и господа, шныряли стайки детей.

«Ожил рабочий, и ожил Завод...»

А ведь похоже на правду. Я не видел своими глазами, как тут жили при большевиках, но по книгам и сохранившимся описаниям вырисовывалась мрачная и тревожная атмосфера — аресты, насильственная мобилизация, подступающий голод. Теперь же я видел, как прохожие только что не подмигивали друг другу — смотри, мол, как зажили-то, как зажили!

Да, восьмого августа Ижевск вздохнул полной грудью, сбросив оковы военного коммунизма и продрозверсток. На прилавках снова было изобилие продуктов — крестьяне, едва прослышав о возвращении свободной торговли, спешили на рынок с возами муки, круп, мяса и масла, а рабочие, получив наконец давно не виданные зарплаты, торопились порадовать семьи подзабытым обильным столом.

Всего за два дня исчезла целая армия отчаявшихся уже безработных, которые еще недавно слонялись по улицам, в надежде занять денег и с горя купить дешевого самогона. Новая власть немедленно приняла обратно на завод старых рабочих, уволенных большевиками за то, что не приняли новый порядок, всех, кто готов был вновь

занять место в мастерской — Ижевску требовалось много винтовок.

Если горожане еще не поняли этого, то в Доме Советов и Военном отделе сидели более дальновидные люди. Мало того, нынешние руководители Ижевска как будто выучили наизусть известное изречение дедушки Ленина: *«Оборона — смерть любого вооруженного восстания»*.

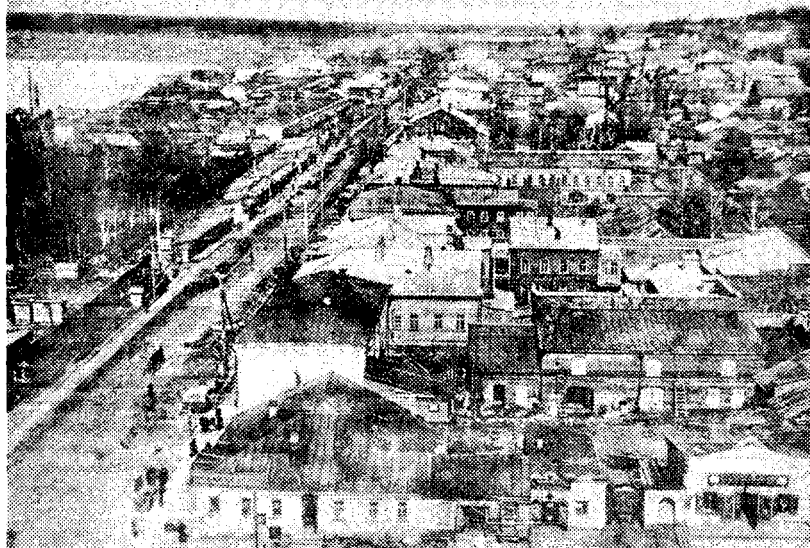
Восставший против большевиков Ижевск не собирался обороняться. Он собирался наступать. Вот-вот придут сюда посланцы воткинского «Союза фронтовиков», прося прислать им винтовки и поскорее двинуться на Воткинск. Власть большевиков падет там через шесть дней. Силы восставших значительно возрастут, и они начнут наступление по всем фронтам, чего никак не ожидают красные, до которых все еще не дошли масштабы происходящего. Да что там! У них даже в голове не укладывается, как это мог восстать против «власти рабочих» рабочий Ижевск.

На углу Базарной и Троицкой стоял Дом Советов, а перед ним начинался спуск к набережной. Никаких ступеней там еще не было, вниз бежала простая утоптанная грунтовка. Осенью здесь должно быть были сплошные слякоть и грязь, а сейчас лежал толстый слой дорожной пыли. Здесь наш отряд разделился. Многие группками разошлись по улицам, другие подались к крыльцу Дома Совета. С пленными к заводу отправились человек десять. Как я и думал, нас решили разместить в подвалах под заводской башней.

Спускаясь к набережной, я смотрел на огромное зеркало пруда. Непривычно было видеть его без труб «Ижстали» со столбами дыма чуть не до самого неба на том берегу, но в целом пруд выглядел очень знакомо, чего не скажешь о самом берегу. Одетой в гранит набережной с ажурным ограждением, на котором молодожены любят по традиции оставлять замки с гравировкой, не было и в помине, но Завод... Завод все так же стоял на плотине. И также

Ижевский Завод. Базарная и Троицкая улицы.

Базарная и Троицкая улицы.

возвышалась над ним башня будущего «Ижмаша». Знакомые куранты отсчитывали время, а над ними посматривал на пруд двуглавый орел. Недолго ему остается смотреть — взяв штурмом Ижевск, большевики сбросят его с башни и утопят в пруду. Говорят, он все еще лежит там, на дне...

Таким я увидел старый Ижевск в свой первый день в нем, и, глядя на его улицы, я как-то даже забыл, что направляюсь не куда-нибудь, а в тюрьму. Но как только мы ступили за ворота Завода, мне сразу же об этом напомнили.

Рощин сдал нас угрюмому великану в рабочей блузе с красной повязкой на рукаве. На повязке был изображен черный Андреевский крест.

— Ну, как там? — спросил тот, пожимая руку бывшего прапорщика. — Всё сукино семя побили?

— Как видите, — сухо ответил Рощин. Мне показалось, что он не очень расположен общаться со здешним хозяином. — Этих разместите у себя, Иван Антонович. Пусть пока посидят. Полковник сказал, ими займется контрразведка.

— Найдется местечко, — кивнул Иван Антонович. — Ха! И этот гаденыш здесь, я смотрю. Ну что, допрыгался, сопля красная?

Бабушкин молчал. Только губу нижнюю прикусил.

«Большой Иван» кивнул своим людям и к нам подошли трое парней с такими же повязками. Эти не церемонились — погнали к башне прикладами и пинками. Меня тоже собрались приложить, но не успели. Рощин быстро шагнул вперед:

— Постойте! Этого пленного разместите отдельно от остальных. Накормите и обращайтесь получше.

Иван уставился на меня:

— И за что же это ему такое отличие? Что за важная птица? Что-то я его не припоминаю... Не заводской что ли? Но, сдается мне, такая же красная мразь, как все. По роже видать.

— Приказ полковника!

— Ну ладно, раз так. Начальству виднее. Хотя вот по мне бы было, так я бы и его и тех остальных вот сейчас к стенке. А то развели с ними цацки-мацки!

Он отвернулся, и Рощин торопливо сказал мне:

— Сделал для вас, что мог, поручик. Мне пора. Домой забежать надо, да потом обратно на позицию. Но я еще поговорю о вас с полковником. Может быть, как-нибудь удастся вас вытащить. А то бросали бы эту глупость, переходили бы к нам! У нас офицеров много, и для вас место найдется. И опыт ваш пригодится — чувствую, недолго нас в покое оставят.

— Все может быть.

— Так вы подумайте. Время у вас будет, — невесело усмехнулся он. — Да, вот еще. Если повезет вам выбраться, адрес мой Церковная, 10. Ну, или в войсках ищите. Не забудете?

— Не забуду. Спасибо.

— Возьмите вот, — он кинул мне сигареты. — Что ж, до свидания. Надеюсь, еще увидимся. Да, и с Иваном поосторожнее будьте. Приказ, конечно, приказом, но не любит он ваших! Зол очень. Сына три дня тому потерял. Хороший парнишка был. Гимназист...

К счастью, воспользоваться этим советом мне не пришлось. После того, как меня обыскали, — при этом отняли документы и, что было для меня важнее, фотографию, — Ивана я больше не видел. А вот остальным заключенным повезло меньше.

Меня разместили в темной сырой коморке, примерно два на два. Наверно, какое-то подсобное помещение. Под потолком была узкая щель, из которой задувал ветер, выходила она, скорее всего, во двор. Здесь же, в подвале, но уже в общих «камерах», содержали и остальных. Вечером мне принесли ужин — миску овсяной каши с маленьким кусочком рыбы и горбушкой черного хлеба, а также кружку воды. Обслуживал меня щуплый мужичонка с рыжими щетинистыми усами. Мне он не представился и про себя я назвал его «Крысенышем». Когда он ставил мой ужин прямо на пол, — стола мне, естественно, не полагалось, — из коридор донесся истошный вопль.

— О! — оскалился Крысеныш. — Твоих красных дружков допрашивают. Красиво поёт! Ты погодь, скоро и до тебя очередность дойдет.

Он еще немного постоял, слушая дикие крики, потом подмигнул мне и вновь запер дверь. Я перевел дух. Есть мне сразу как-то расхотелось.

Крики продолжались около получаса, то затихая, то вновь врываясь в уши. Мне не хотелось и думать, что там творили с пленными большевиками. Может быть, это пытали Бабушкина, а может кого-то еще. От мрачной окружающей обстановки и этих криков мне было не по себе.

Градус взаимного ожесточения нарастал с каждым днем, и с каждым новым боем он будет все выше и выше. Это ведь еще только начало. То ли здесь будет твориться, когда в Ижевск явится господин Юрьев, который пока что трудится скромным бухгалтером на Воткинском заводе. Недолго ему остается бухгалтерствовать...

Часики тикают. В полумраке своего каземата я особенно остро чувствовал эту пульсацию времени. Здесь, как нигде, ощущался растущий сгусток черной ненависти, который мутной пеленой накроет обе стороны, заставляя творить inferнальные зверства. Белый террор... Красный террор... Какой ужасный контраст с мирным городом, оставшимся там, наверху!

Ненависть будет заполнять овраг на Карлутской телами плененных большевиков. Их будут убивать штыками, жалея пули. Она будет роиться вокруг «барж смерти» на Каме — этих плавающих концлагерей. Ее пламя охватит Святогорские села, где каратели Степана Барышникова, — именем этого садиста тоже обзовут потом ижевскую улицу! — будут сжигать крестьянские дома вместе с их обитателями. Ненависть будет сочиться с разлетевшейся по красным частям фразы Троцкого *«после войны все разойдутся по домам, а ижевцы и воткинцы по гробам»*. И ей же будет пропитан приказ по армии, в котором Ленин потребует «сравнять

Ижевск с землей». Потом, правда, чуть поостыв, он вспомнит, что оружейный завод — вещь слишком ценная, чтобы равнять его с землей и текст приказа немного изменят...

Нестерпимо хотелось курить, но рощинские сигареты вместе со всем прочим изъяли у меня при обыске заботливые тюремщики. Делать в камере было нечего, и я решил, что лучше всего завалиться спать. Время быстрее пройдет. Но это было легче решить, чем сделать. Спать тут можно было только на грубой доске, положенной на деревянные козлы. Не знаю, что это было такое — может, старый верстак или еще что-то подобное. Ни матраса, ни одеяла с подушкой мне, понятно, не полагалось.

Я вспомнил, как Рощин просил обращаться со мной получше. Если это считалось «получше»... Хотя, возможно, в это понятие у Ивана входило не пытать и оставить арестанта в покое. Что ж, хоть на этом спасибо. Ворочаясь на своем «верстаке» я надеялся только, что здесь я не засижусь. Должны же меня вызвать наверх для допроса! Вот тут мы себя и покажем. Пока же я тщательно обдумывал, что буду говорить, как отвечать на вопросы. Опасался еще, что не успею додумать, если прям с утра вызовут.

Впрочем, как вскоре выяснилось, я сильно переоценил значение своей персоны. Или у полковника Федичкина нашлись более важные дела. Следующий день мне пришлось провести все в той же камере. Да и ночь тоже. Никто про меня не вспоминал, если не считать Крысеныша, который два раза принес мне еду, а ближе к вечеру расщедрился на охапку соломы. Спать на соломе было удобнее, но не намного. И хотя я провел в подвале «всего навсего» трое суток, мне казалось, что я сижу тут уже целую вечность.

Провозвестником новой жизни оказался все тот же Крысеныш. Утром шестнадцатого августа вместо завтрака он принес мне полные надежды слова:

— Выходи, краснопузый. На допрос поведут.

— Здравствуйте, Савушкин. Не знаю уж, как к вам правильно обращаться. Господин поручик? Или товарищ чекист?

Полковник Федичкин смотрел на меня, постукивая пальцами по столу. Его кабинет в Военном отделе удивлял шкафами с пустыми полками. Возможно оттуда только что повыкидывали залежи марксистской литературы.

Конвоир усадил меня на жесткий скрипучий стул напротив письменного стола и по приказу полковника вышел, прикрыв за собой дверь.

— За вас меня очень просил Рощин. Расписал ваши подвиги на фронте. А после того, что мне стало известно, — он щелкнул по лежавшей перед ним на столе бумаге, — Мне самому любопытно с вами поговорить. Отвечать готовы?

— Разумеется, полковник.

— Мы допросили Бабушкина и знаем, что в Ижевск вы прибыли шестого числа. Якобы по заданию Вятского областного комитета большевиков. У вас имелась сопроводительная бумага, из которой следовало, что вы сотрудник ЧК. Бабушкин в этом уверен, хотя и очень зол на вас за то, что вы приказали своим сдатьсь мне. Почему вы это сделали?

— Не дожидаться же было, пока всех перестреляют. У Бабушкина не было шансов. Это ведь засада была. Я знал, что вы нас ждете. Вам об этом рейде из Агрыза сообщили. Начальник станции, если не ошибаюсь.

— Откуда вам это известно?

«Из твоих же собственных воспоминаний», — подумал я.

— А я вообще многое знаю, господин полковник. Но,

как видите, вместо того, чтобы заложить начальника станции, я отправился с Бабушкиным и сдался вам при первой возможности.

— Это я вижу. Хочу знать, для чего?

— Может, мне с большевиками не по пути.

Федичкин не торопясь достал сигарету и закурил. Я смотрел на него, глотая слюну. Мне он, однако, не предложил.

— И это слова чекиста? — сказал он. — Или вы никакой не чекист? Откуда у вас эта бумага?

Он подвинул ко мне изъятые у меня удостоверения.

— Очевидно из Вятки. Здесь же написано.

— Написано... Незадолго до нашего выступления Бабушкин телеграфировал в Вятку, прося подтвердить ваши полномочия. Чистая формальность, конечно, как он думал. Но ответ из Вятки пришел, только достался он уже нам. Оттуда сообщили, что никакого Савушкина они знать не знают и в Ижевск не направляли. Рекомендовали арестовать вас до выяснения обстоятельств. Так кто вы такой, Савушкин?

Вот это пироги с котятами! Но что же мне теперь говорить?! Весь тщательно продуманный план разговора летел к чертям. Придется импровизировать.

— Вы правы, я не чекист. Бумага эта — фальшивка. Но мне надо было попасть в город так, чтобы большевики на меня внимания не обратили.

— Однако вы выбрали для этого странный способ! Цель вашего прибытия в Ижевск?

Я бы и сам хотел это знать. Но что сказать полковнику? И это должно быть хоть как-то похоже на правду, иначе, — я чувствовал, — это может плохо для меня кончиться.

— У меня есть здесь одна знакомая.

— Кто именно?

— Ее зовут... Маша.

Полковник тщательно затушил сигарету в пепельнице, затем порылся в бумагах и показал мне ту самую фотогра-

фию.

— Вот эта девушка?

— Да.

— «С любовью от Маши», — прочел он вслух. — Ваша невеста?

— Нет. Просто знакомая.

— Вот как? В таком случае, вы должно быть знакомы и с профессором Штерном?

Я занервничал. Конечно, я не был знаком ни с каким Штерном, тем более профессором. Был ли с ним знаком Савушкин? Вот вопрос! Я чувствовал, что совсем заврался, но просто не знал, что мне говорить.

— Должно быть так.

— И он может подтвердить вашу личность?

— Я надеюсь.

— Хорошо. Мы это проверим. Сразу же, как закончим наш разговор. Пока же я все-таки хотел бы услышать, с какой целью вы прикидывались чекистом?

— Я хотел вам помочь. Если бы большевики считали меня своим, я мог бы принести пользу делу восстания.

— Каким же образом вы собирались «принести пользу»?

Эх, была не была! Ничего другого все равно в голову не приходило.

— Пороховой склад!

— Что?

— Я не дал им его взорвать. Это я сделал так, что ключи остались в военном отделе.

— Предположим. Это трудно проверить, но предположим. Почему же, в таком случае, после этого вы не оставили Бабушкина, а бежали с ним до Агрыза и потом с ним же вернулись в Ижевск?

— Я не мог уйти, не вызывая подозрений. Меня бы расстреляли.

Федичкин взял со стола карандаш и принялся вертеть его в пальцах.

— Вот что, Савушкин, — сказал он, наконец. — Ваш рассказ мне не нравится. Вы ничем не можете подтвердить свои слова. Как мне вам верить? Возиться с вами мне некогда, других дел полно... Знаете, о чем я сейчас думаю? Сразу вас расстрелять или оставить в тюрьме, пока не найдет-ся достаточно времени, чтобы вами заняться. Враньем вы только ухудшаете свое положение. Говорите правду!

— Я так и делаю.

— Ложь! Вы были в Ижевске шестого. Мы сами тогда не знали, когда сможем открыто выступить против большевиков. И никто не мог этого знать. Так кому вы собирались помогать? А если собирались, почему не вышли на связь хотя бы с Союзом? Вы же не могли не понимать, что ваша липовая бумага прикроет вас только до телеграммы в Вятку! Вы не могли не понимать, что у вас будет максимум два-три дня до того, как вас арестуют! Что вы собирались успеть за это время? Вы не могли знать...

— Мог!

— Что?

— Я мог знать. И знал.

Я шел ва-банк.

— Откуда, черт вас возьми?!

— У меня есть некоторые способности, скажем так, предвидеть события.

Федичкин на глазах поскуучнел.

— Держите меня за идиота? Думаете выкрутиться, изображая из себя медиума? К вашему сведению, я не верю в подобную чушь. Уверен, кстати, что и вы тоже.

— Я не утверждаю, что я медиум или кто-то в этом роде. Но это не чушь и я могу доказать.

— Ну, докажите. Интересно будет на это взглянуть. Что вам для этого нужно? Блюдце? Свеча? Что там у вас еще?

— Мне ничего не нужно. Я не шарлатан, как вы изволили думать. Так... Сегодня у нас шестнадцатое. Примерно два часа назад вам сообщили о движении красных на Гольяны. Кто-то из железнодорожных служащих сооб-

шил, если не ошибаюсь. Сейчас у красных там около двухсот человек пехоты, кавалерийский эскадрон и пулеметная команда.

Карандаш замер в руках полковника.

— Как вы узнали? Вы же были под арестом. Или вам кто-то... Но это же совершенно не возможно!

— Более того. Вы собираетесь послать туда отряд штабс-капитана Куракина на двух блиндированных поездах.

— Вы не можете этого знать, — медленно выговорил он, изумленно глядя на меня. — Я говорил только с Куракиным. Вот буквально до вас...

— Ну, вот видите, — усмехнулся я. — Работают способности, значит.

— Что вы еще можете рассказать?

— Пока это всё.

Федичкин молчал. Я поерзал на стуле. Стул заскрипел.

— Кого вы представляете, Савушкин? — спросил он вдруг. — Вы эсэр? Анархист? Масон?

— Я представляю только себя.

— В наши дни так не бывает. Все какую-то партию поддерживают... Но допустим. Допустим, я вам поверил и дал вам свободу. Что вы будете делать?

— Отправлюсь на Базарную, 25.

— Это понятно. Я вас сейчас сам туда отправлю. Надо же нам послушать, что о вас скажут ваши... знакомые. Но потом что вы станете делать?

— Это зависит от того, что ждет меня на Базарной.

— Хорошо. Если за вас поручится Павел Самуилович, я, возможно, вас отпущу. Однако не теряйтесь поручик, очень вас прошу. Нет, я даже настаиваю на этом. Я сейчас распоряжусь на ваш счет.

«Какой еще Павел Самуилович? Какой профессор Штерн?», — думал я. Ведь я-то надеялся встретить там девушку с фотографии, кем бы она ни была!

— Постойте, полковник, можно вопрос?

— Слушаю.

— А вы откуда знаете... Павла Самуиловича?

— Ну как же! Он заказывает... заказывал у нас на заводе какие-то детали машин. Со странностями человек. Чудак-коватый. Впрочем, у вас может быть и другое мнение. Вы ведь... знакомый его племянницы.

Он достал новую сигарету, но на этот раз, прежде чем закурить, взглянул на меня.

— Курите?

— Да! Если можно...

«Хороший знак», — подумал я, с наслаждением прикуривая первую за двое суток сигарету.

Табак у полковника был вполне себе неплохой. Лучше, чем та пачка, которую я нашел в у себя в кармане. Но кто же такой этот Штерн? Вот черт! Получается, этот тип, которого я и в глаза не видел, будет сейчас решать мою судьбу. Я изо всех сил напрягал память. Полковник называл его профессором. Много ли профессоров было в то время в Ижевске? Да ни одного! Откуда?! А если бы такой появился, неужели следов не оставил? Таких, чтобы где-то попался на глаза мне, там, сто лет спустя.

Штерн, Штерн... В голову ничего не приходило. Может, Федичкин называл его профессором просто для красного словца? Вполне возможно. Нет, я ничего не мог вспомнить. Оставалось одно — ждать. И надеяться на лучшее.

В дежурке Военного отдела мне пришлось мариноваться часа два, любуясь видом из окна на оружейную фабрику Евдокимова — в наши дни в ее корпусах расположился хлебозавод. Присматривал за мной все тот же «Крысеныш», время от времени отпуская свои фирменные остроты. Его общество и примитивный юмор настолько мне уже надоели, что когда явившийся, наконец, в дежурку какой-то коротышка в фуражке и офицерском мундире велел ему быть свободным, я несказанно обрадовался.

— Штабс-капитан Куракин, — представился офицер. — Полковник поручил мне проводить вас к господину Штерну.

Сказать, что я был потрясен — ничего не сказать. Вот этот маленький человечек — Куракин?! Вопреки всем правилам вежливости я, не скрываясь, уставился на него. И понять мой интерес было несложно.

Штабс-капитан Куракин — самая загадочная личность среди командиров Восстания. Единственный, чья фотография до нас не дошла. Неизвестными остались даже его имя-отчество. Он появляется, словно из ниоткуда, на страницах воспоминаний всех, кто писал о тех днях. Гений партизанской войны. Командир, — говоря современным языком, — «спецназа» ижевцев. Его отряд был на самых опасных участках фронта, и всюду его сопровождала удача. В первые дни, когда будущая Прикамская народная армия еще только лишь создавалась, именно он со своим небольшим отрядом умелыми маневрами и внезапными ударами будет сдерживать рвущиеся к Ижевску многократно превосходящие силы Антонова-Овсеенко. Его отчаянно-смелый рейд на Сарапул приведет к полной дезорганизации Второй армии красных, а рискованная переправа через

Каму и взятие Камбарского завода на время выключат из игры корабли Волжской флотилии. Под Елабугой он столкнется с будущим маршалом Блюхером и заставит легендарного красного командарма прятаться по лесам. Одним ему ведомым способом, он пробьется в Самару, пройдя насквозь через фронт красных, и попытается донести до Директории, насколько важно удержать Ижевск, но все будет напрасно. Генерал Болдырев выслушает его, но в помощи будет отказано. И тогда Куракин вернется в обреченный Ижевск, чтобы принять участие в последних боях.

После падения Ижевска следы штабс-капитана Куракина теряются. Его имя будет идти самым первым в составленных ЧК списках особо разыскиваемых ижевских контрреволюционеров, но его так и не смогут найти, а когда чекисты будут допрашивать его бывших бойцов, ни один из них ничего не расскажет о судьбе штабс-капитана...

— Полковник собирался вас расстрелять, — буднично сообщил мне Куракин, когда мы вышли на улицу. — Вы его не убедили. Он посчитал вас слишком опасным человеком.

Видимо он ожидал моего ответа, но я настолько опешил, что не смог ничего сказать.

— Однако, у вас выдержка поручик!

— Я так понял, он передумал, — выдавил я, наконец.

— Нет, — усмехнулся штабс-капитан. — Но я просил его повременить. Ваш случай показался мне интересным. А, кроме того, я ценю опасных людей. В общем, теперь я за вас отвечаю.

— И что это значит?

— Выглядите вы не очень, поручик, — сказал он, не отвечая на мой вопрос. — Да и есть, наверное, хотите. Ну, ничего, будем надеяться, у Штерна вас накормят, а там зачислим вас на довольствие. Вы ведь не откажетесь вернуться на службу? Слышал, горите желанием нам помочь.

Он, прищурившись, посмотрел на меня. Альтернатива

«желанию помочь» была мне ясна.

— Я... Да, конечно.

— Так и думал. Считайте, вы зачислены в мой отряд. Если, конечно, мне понравится то, что я сейчас услышу.

Судя по нашему маршруту, нужный нам адрес располагался чуть ли не на окраине города. Тогдашнего города, конечно — в мое время здесь был практически самый центр, а городская застройка тянулась дальше к северу на целые километры. Военный отдел был единственным зданием, которое пощадит время, на месте остальных домов верхней части Базарной будут построены ведущие к набережной ступени и современная площадь со стрелой монумента «Дружбы народов». Сейчас, разумеется, ничего этого не было. Мы шли вдоль каменных домов, ни один из которых не доживет до нашего времени.

Дом на Базарной-25 оказался двухэтажным строением фасадом на улицу. Судя по забору, за домом имелся небольшой приусадебный участок, выходящий на Пруд.

Куракин постучал, и мы с минуту ожидали на крыльце, пока нам откроют.

— Здравствуйте, Павел Самуилович. Простите, что побеспокоили...

Открыл нам плотный пожилой мужчина в очках. Всклоченная седеющая шевелюра, козлиная бородка — он напомнил мне постаревшего Троцкого. Смотрел он только на меня, из-под кустистых бровей, полностью игнорируя штабс-капитана.

— Боже мой, вы! — воскликнул он. — Я вас и не надеялся больше увидеть... Не очень-то вы спешили, Александр Владимирович! В таком случае, могли бы и вовсе не являться. Как видите, ваша помощь мне не понадобилась.

Последние слова он произнес с какой-то обидой и вызывающе уставился на меня.

— Вижу, вы все же знакомы, — сказал Куракин. — Может, мы с поручиком войдем? Или будем разговаривать на пороге?

— Заходите, раз уж пришли, — Штерн посторонился, пропуская нас. — Чай будете?

Мы разместились в небольшой гостиной за столом, покрытым клетчатой скатертью. Прямо на меня смотрела главная достопримечательность этой комнаты — огромные стенные часы. С кукушкой, наверное. На столе стоял самовар и большая сахарница с кусками сахара и маленькими серебряными щипчиками. Недопитая чашка чая указывала на то, что хозяина дома мы оторвали от чаепития.

Штерн достал из серванта еще две чашки и бухнул их перед нами.

— Наливайте сами, — буркнул он. — Вот еще яйца и хлеб, если хотите. Больше ничего предложить не могу. С тех пор, как тут побывала ЧК, в доме шаром покати.

— Но ведь все благополучно закончилось, Павел Самуилович, — сказал Куракин, положив себе два куса сахара. — Из большевистских застенков мы вас освободили. Вы вернулись домой. Разве это не повод порадоваться?

— Вы правы, — сказал Штерн, тоже присаживаясь за стол. — Спасибо вам еще раз, если хотите. Тюрьма не место для такого человека, как я. Но ведь месяц! Вы понимаете, месяц! Вы понимаете меня, Савушкин?!

Я ни черта не понимал, но на всякий случай кивнул.

— Что вы киваете?! Что вы молчите?! Ведь вы должны были меня оттуда вытащить! Вы, а не этот вот штабс-капитан!

— Что вы имеете в виду? — насторожился Куракин.

— Что я имею в виду?! Как это что? Господин Савушкин получил от Маши письмо... Получили вы или нет?!

— Да, конечно, — ответил я.

— Вот видите! Получил. И что вы сделали? Что вы, я спрашиваю, сделали?! Палец о палец ведь не ударили! Хотя вот вижу, в Ижевск хоть приехать изволили. К шапочному

разбору.

— Так вот оно что, — протянул Куракин, отхлебывая горячий чай. — Вы, стало быть, чекистом прикинулись, чтобы Павла Самуиловича спасти?

— Да. Конечно, — снова повторил я.

— То есть вы, Павел Самуилович, подтверждаете, что знаете поручика Савушкина?

— Я? Ну, разумеется, я его знаю! А что такое?

— Тут у нас недоразумение возникло. Поручик был задержан с удостоверением чекиста...

— Ах, вот оно что.., — Штерн посмотрел сначала на меня, потом на капитана и вдруг громко расхохотался. — Понимаю, понимаю. И вы посчитали его большевиком? Ха-ха-ха! Большой шутки представить... Нет, нет, за поручика я ручаюсь! Он давний друг нашей семьи, я этого молодого человека отлично знаю. Мне, вы, надеюсь, верите?

— Вам верю. Что ж, раз все выяснилось, я, пожалуй, пойду. Дел много, знаете ли. А вы, поручик, не забывайте — вы теперь снова на службе. Приведите себя в порядок и жду вас.., — он посмотрел на стенные часы. — Через два часа у входа в Завод. До свидания, Павел Самуилович. Вы меня не проводите?

Провожал он его долго. Слишком долго, чтобы я не понял, что Куракин завязал с господином профессором разговор на пороге. Обо мне разговор, конечно. Что ж, подождем...

Я прихлебывал чай из большой фарфоровой чашки и думал, здесь ли эта самая Маша? Девушка с фотографии. Штерн сказал, что Савушкин получил от нее письмо. Значит, они были знакомы. Вероятно, она и правда была, — как сказал Федичкин, — племянницей этого «постаревшего Троцкого». Я не знал, имеет ли она какое-то отношение к моей Иринке. И к тому, как я здесь очутился. Но мне хотелось увидеть ее, потому что... Я и сам не знал почему.

Кроме того, меня немного беспокоил тот факт, что я,

похоже, оказываюсь втянутым в военные действия. Не явиться на назначенную Куракиным встречу я, видимо, не мог. Явиться же означало одно — оплаченную поездку в Гольяны, на теплую встречу с батальоном балтийских матросов. Я знал, что самому Куракину пока что ничего не грозит, но о себе подобного я сказать не мог. Шальная пуля — она такая шальная... В двух последних боях, где мне пришлось участвовать, я в этом однозначно убедился.

Хочу ли я принять активное участие в Восстании? Интересный вопрос. Хотя, похоже, меня тут никто не спрашивает, чего я хочу. Что у большевиков, что здесь, все решается за меня. Но чего хочу я сам? Хорошо было там, в будущем, — как это у Высоцкого? — «книги глотать, пьянея от строк». Но идти самому в наступающих цепях с винтовкой наперевес? Под пулеметным и артиллерийским огнем? За дело, которое с самого начала обречено? Не знаю, не знаю...

— Ну, наконец, спровадил этого настырного капитана! — Штерн с шумом ворвался в гостиную. Я аж вздрогнул. Хотя, чего бы ему не врываться? Это ж его гостиная. — Выставил вас в самом благоприятном свете. Надеюсь, подозревать не будут. И как вас угораздило к ним... Но рассказывайте, Савушкин, рассказывайте! Удалось вам что-то узнать?! Где она?!

— Кто?

— Как кто?! Маша, конечно!

Приехали. Я что, и это знать должен? Выигрывая время, я налил себе еще одну чашку чая. И пожалел, что это всего лишь чай.

Спустя полтора часа я подходил к воротам завода. Я бы сбежал от Штерна и раньше, но, во-первых, надо было хоть как-то подтвердить свое новое реноме, а во-вторых, я не мог не воспользоваться возможностью поесть и помыться. Терпеть не могу, когда от меня воняет, а к тому времени от меня несло так, что я сам чувствовал. Сказались все эти дни беготни по лесам, стычек с ижевцами и более суток в заводской тюрьме. Я бы и одежду постирал, но она бы высохнуть не успела. Пришлось ограничиться обливанием водой из ведра, любезно предоставленного «профессором».

В разговоре с ним я избрал тактику двусмысленных ответов и недомолвок. По возможности я вообще предпочитал помалкивать, а время убивал красочными рассказами о приключениях последних дней. Тем не менее, дотошный старикан пытал меня вопросами, на которые я не мог дать ответа, и под конец мне показалось, что он начал на меня как-то странно коситься. К счастью, в этот момент я смог свернуть наше общение на законных основаниях — время, данное мне Куракиным, истекло.

Вопросы, однако, оружие обоюдоострое. Поэтому разговор со Штерном дал и мне некоторую информацию и пищу для размышлений. Так, например, я узнал, что в Ижевск Штерн перебрался только в этом году. До того он обитал в Москве, где и свел знакомство с Савушкиным. Особенно близкое знакомство «со мной» водила его племянница. Именно она написала в Вятку, когда Штерна арестовала ЧК. Видимо, получив письмо, Савушкин с поддельными документами выехал в Ижевск, надеясь вытащить Штерна из тюрьмы, но не успел, сходу попав в хаос внезапно вспыхнувшего восстания. Профессора освободили уже

повстанцы, выпустившие из большевистских тюрем всех, кто там находился, но, вернувшись домой, Павел Самуилович племянницы там не обнаружил и все еще пребывал в тревоге относительно ее судьбы. Увидев меня, он воспылал надеждой, что мне что-то о ней известно. Увы, я вынужден был его разочаровать. Странно, но мне показалось, что профессор не слишком сильно переживал по поводу исчезновения родственницы. После моего заявления Штерн, казалось, потерял ко мне интерес, начав задавать достаточно светские вопросы о моей жизни и каких-то общих знакомых. Вот тут-то мне и пришлось попотеть. И от греха подальше я поспешил сбежать при первой возможности. Со Штерном и его племянницей разберемся позже. С наскоку тут ничего не сделаешь, только спалишься, видимо...

У ворот Завода собралось несколько десятков суровых мужиков с винтовками, одетых в какую-то полувоенную форму с блестящими пуговицами. Это были артиллерийские чиновники и учащиеся школы оружейных техников. Именно из них энергичный Куракин набрал свой отряд — первую организованную роту ижевцев. С этой ротой он собирался остановить наступавшие по Гольянскому тракту вдвое превосходящие силы красных.

— А, явились, поручик, — сказал он, увидев меня. — Хорошо. Оружие получите в поезде. Отделение вам, уж извините, пока не доверю. Будете состоять при мне.

Разумная предосторожность. Понятно. Не вполне доверяет мне господин штабс-капитан. Но это даже и к лучшему. Не знаю, что бы я мог натворить в качестве командира отделения. Пусть лучше настоящие офицеры командуют. Им по штату положено. Кроме того, если держаться поближе к Куракину можно надеяться, что в бою со мной ничего не случится.

Следующие минут десять я хвостом ходил за Куракиным. Не обращая на меня внимания, штабс-капитан быст-

ро разбил своих людей на отделения и взводы, назначив каждому командира, и повел всех грузиться на поезда. В отличие от Бабушкина, никаких речей он произносить не стал — времени что ли терять не хотел? Или просто красиво говорить не умеет? Человек действия наш штабс-капитан, да.

Мы погрузились на два поезда, к каждому из которых подцепили по несколько открытых платформ и, дав прощальный гудок, с пыhtением и дымом тронулись по воткинской линии. Даже сейчас эта железная дорога идет по самой окраине города, ну а тогда она проходила довольно далеко к югу от Ижевска и, прогрохотав по мосту через Иж, мы оставили город по левую руку.

Уж второй раз за последние дни следуя в поезде, я подумал, что эта война была своеобразной войной поездов. Они станут основным средством быстрой транспортировки войск. Вот почему такую важность обретут Воткинский паровозный завод, где поезда можно ремонтировать и бронировать, и узловая станция Агрыз, через которую красные могут быстро перебрасывать к месту боев значительные отряды. И вот почему решающее наступление на Ижевск красные предпримут именно с юга.

— Что думаете о нашем положении, поручик? — спросил Куракин раскуривая сигарку. Он устроился на мешке с песком в углу нашей платформы и смотрел на меня из-под фуражки, низко надвинутой на глаза.

Я ответил не сразу. Мне вдруг пришло в голову, что это первый вопрос о ходе боевых действий, обращенный ко мне одним из военных руководителей Восстания. Что же я думал о «нашем» положении на данный момент? Вопрос не простой.

— Разрешите? — спросил я.

Капитан меня сразу понял и кинул мне открытую пачку. Прикурился я от огонька его сигареты.

Затягиваясь дымом, я рассеянно смотрел на пролетающий мимо пейзаж. Знакомые места. Справа за ивняком

течет Позимь. Вот сюда мы часто ходили купаться с пивком, а тут будет огород Пашки Васильева, ну а вот место, где я проснулся в отряде Бабушкина — события далекого будущего и 1918 года смешались в одно и проплывали мимо меня вдоль этой железной дороги.

Куракин не торопил меня с ответом, но что-то сказать было надо...

Сразу после победы Восстания к вечеру восьмого августа, полковник Федичкин имел в своем распоряжении внушительную военную силу. Более шести тысяч человек, организованных во взводы и роты под командованием опытных офицеров, прошедших фронты Первой мировой. И половину его людей составляли фронтовики. Если бы эта полноценная бригада, которой на тот момент в Сарапульском и Глазовском уездах большевики не могли противопоставить фактически ничего, немедленно начала действовать, красным пришлось бы плохо.

Проблема была в том, что как только власть коммунистов в Ижевске пала, рабочие разошлись по домам, посчитав, что задачу свою они выполнили. В распоряжении Федичкина осталось не более трехсот человек, в основном офицеров. С ними он и разбил отряд Бабушкина. На текущий момент этот отряд Федичкина и рота Куракина, в составе которой я и двигался сейчас к Гольянам, оставались единственными военными силами Ижевска.

Призыв в армию был уже объявлен, но был он исключительно добровольным и результаты давал крайне слабые. К тому же Федичкин не угадал главного направления удара противника. Полковник считает, что большевики будут наступать с юга, вдоль Казанской железной дороги, высадку же в Гольянах он полагает отвлекающим маневром. В действительности все обстоит ровно наоборот. Через четыре дня ошибка Федичкина приведет к тому, что Ижевск едва не будет взят внезапным ударом почти целой дивизии Антонова-Овсеенко. И только решительные

и умелые действия капитана Куракина, которому всего лишь с одной ротой приказано прикрыть «второстепенное» голяянское направление, сорвут планы большевиков и позволят нанести первое крупное поражение красным.

Только после этого ижевские рабочие поймут, что свергнуть власть большевиков «в отдельно взятом городе» мало, и сражаться за город придется, как бы им ни хотелось вернуться к работе и мирной жизни. Только тогда по-настоящему начнет формироваться Ижевская армия, но ее главной проблемой будет «патронный голод».

Основные события Гражданской войны разворачиваются сейчас южнее, где войска Самарского Комуча только что взяли Казань. Там они захватили военные склады с трофеями «не поддающимися исчислению». Все это там и пролежит мертвым грузом до падения Казани 7 сентября. Отлично понимая необходимость совместных действий, Федичкин отправит в Казань одного за другим трех посыльных, две недели они проведут в бесполезных пререканиях с казанскими властями, но Ижевск все равно не получит так нужных ему патронов. Господа из Казани, занятые своими делами, не придадут никакого значения ижевскому мятежу, не считая его сколько-нибудь значительным событием. Это будет трагической ошибкой Комуча.

Напротив, красные очень скоро поймут всю опасность ижевских событий. Восставший против большевиков Ижевск окажется настоящей занозой в теле Восточного фронта. И почти мгновенно заноза эта превратится в кровоточащий нарыв. От города-завода волнами начнут распространяться крестьянские бунты. Более двух тысяч винтовок в день дает Ижевский завод. Как только эти винтовки поступают в очередную крестьянскую волость — она потеряна для большевиков. Но красные лишатся не только винтовок и поволжского хлеба. Здесь, под Ижевском, удастся то, что не удавалось ни Комучу ни Директории —

белые смогут опереться на население, получают, что называется, широкую социальную базу и мобилизационный ресурс. Проведя мобилизацию, Ижевск выставит армию, превосходящую по численности и качеству все силы Кому-ча. У них будут винтовки, но не будет патронов. Они будут готовы драться, но им придется бросаться в штыки.

А патроны, — как воздух нужные им патроны! — так и останутся на казанских складах.

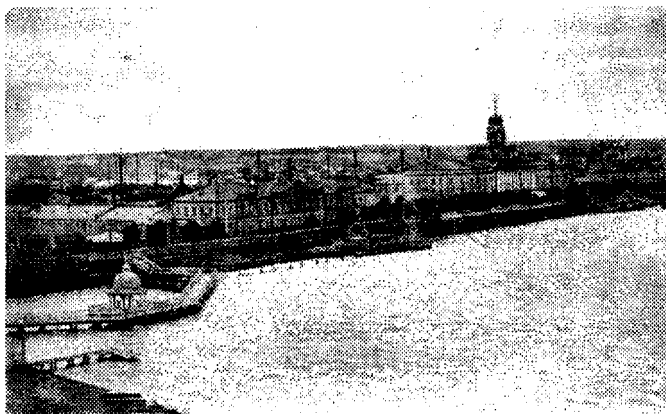
Если всерьез отвечать на вопрос Куракина, мне следовало бы сказать о том, что сейчас крайне необходимо связаться с Казанью. И не просто связаться, а во что бы то ни стало добиться от них отправки патронов, пока это еще можно сделать на пароходах по Каме. Но это тут знают и без меня, а как донести до казанских ребят необходимость таких действий — я и сам не знал. Так что тут блистать своими знаниями пользы никакой не было.

— Полагаю, — сказал я, наконец, — красные в покое нас не оставят. Этот отряд только авангард. За ним придут и другие.

— Я тоже так считаю, поручик. К сожалению, не многие думают так. Эта рота — все, кого удалось собрать. Ижевский рабочий проснется только когда большевики подойдут к Заводу...

Это была истинная правда. Сказать, что ли, ему, с кем придется сейчас столкнуться? Нет, смысла не вижу. Куракин и без меня неплохо справится. Если уж думать, как помочь восстанию... Чисто теоретически думать — я же не знаю, что случится, если я тут начну менять историю!

Что если им повести наступление на север? Они и так это сделают, но только в конце сентября — когда уже будет поздно и в Глазове будет сформирована Особая Вятская дивизия. Но пока ее не и если ударить прямо сейчас, есть шанс захватить станцию Чепца, перекрыв железную дорогу на Пермь, а, двигаясь дальше, можно, пожалуй, взять Глазов, чего на самом деле сделать не удалось. Это, напри-

Ижевский завод

мер, поставит в тяжелое положение пермскую группировку красных и нанесет серьезный удар снабжению 3-й армии Берзина...

Так, занятый своими стратегическими размышлениями, я не заметил, как мы доехали примерно до поворота на Июльское. Здесь, по команде Куракина, солдаты попрыгали с платформ и, быстро разбившись на взводы, колоннами двинулись к будущему Гольянскому тракту навстречу авангарду красных.

Дорога на Гольяны представляла собой прямую, как стрела, просеку, прорубленную насквозь через глухой лес. По обеим ее сторонам поднимались могучие вековые сосны, а за густым подлеском нельзя было разглядеть ничего. Подняв голову, можно было увидеть полоску голубого неба, как будто мы шли по длинному мрачному коридору. За плечом у меня висела винтовка с примкнутым штыком. В общем, со стороны, выглядел я, наверное, круто.

Под ногами то и дело похрустывали сухие сучья, в лесу перестукивались дятлы и покрикивали какие-то птицы. Люди шли молча, по приказу Куракина мы старались соблюдать тишину. Вперед штабс-капитан отправил одно отделение — разведгруппу, надо полагать.

Я почти не узнавал места, — в наше время здесь тянутся сплошные поля и вполне приличная трасса, — но, когда мы отшагали километров десять и местность впереди заметно начала повышаться, я сообразил, что слева от нас остается Докша и берег Камы. До Гольянской пристани пройти оставалось не так много.

Тут Куракин приказал нам остановиться и ждать. Сам он оставался в авангарде. Стоял, в фуражке лихо сдвинутой набекрень и, покуривая папироску, смотрел вперед вдоль просеки. Минуть через десять из лесу вынырнули две фигуры и быстро двинулись к нам. Один из них был командир отделения, отправленного в разведку, Ивашов, вроде бы.

— Ну? — бросил штабс-капитан.

— Идут, — ответил Ивашов. — Несколько сотен будет. Есть пулеметы. Охранения нет. Будто на базар собрались.

— Прекрасно, — кивнул штабс-капитан. — Поприветствуем товарищей большевиков.

Да, они нас явно недооценивали, вернее даже, в грош не ставили. За что и поплатились.

Куракин приказал роте рассыпаться и залечь по обе стороны дороги между деревьев и, как только красные втянулись в лесной коридор, началась адская стрельба, вдоль дороги повис пороховой дым. Я тоже шмалял пулю за пулей. Даже в азарт какой-то вошел. Это оказалось совсем просто — дернул затвор, нажал на курок. И так четыре патрона. Потом новую обойму.

Красные заметались, дико крича. Значительная их часть тут же бросилась бежать, остальные, кто уцелел, пытались отстреливаться — куда там! — все они были для нас просто мишенями в тире. В пять минут все было кончено. На дороге валялись десятки убитых, мы же потеряли лишь трех человек.

Не особо спеша, но и не мешкая, Куракин приказал собрать трофеи, прежде всего патроны, которые тут же распределили между бойцами. Доставшиеся нам винтовки и два пулемета прихватили с собой, после чего рота быстрым маршем двинулась вперед.

Защищать Гольяны было некому — немногочисленные большевики, еще остававшиеся тут, разбежались в разные стороны, как только беглецы с тракта принесли весть о разгроме выступивших к Ижевску матросов. С высокого берега Камы я смотрел на Гольянскую пристань. Еще недавно, до постройки железной дороги на Агрыз, она была главными торговыми воротами Ижевска. Я знал об этом, но не был готов увидеть настоящий речной порт — ничего общего с захолустной деревушкой моего времени. В будущем Каму перекроют плотиной и река разольется на километры вширь, скрыв под водой причалы и пирсы, открывшиеся мне с холмов.

Впрочем, наслаждаться видами как всегда было некогда. Заняв пристань, Куракин немедленно связался с Ижевском по телефону, сообщив о победе и прося прислать под-

креплений — начальник телефонной станции, наш верный сторонник, поведал, что разбитый нами отряд был всего лишь авангардом большевиков, а вскоре ожидается прибытие их главных сил. Ижевское начальство выразило штабс-капитану и его бойцам благодарность, но в подкреплениях нам отказали — красные начали наступление от Агрыза вдоль железной дороги, и полковник Федичкин со всеми имеющимися людьми занимал оборону там. Нам предписывалось держаться своими силами.

Куракин только пожал плечами и распорядился выставить патрули, накормить людей, а сам обратился к собравшимся на сход местным с краткой речью, в результате которой к нашему отряду примкнули пара десятков здешних парней и мужиков. Их вооружили трофейными винтовками и распределили между отделений.

Пока мы были заняты этими делами, время подошло к вечеру и в лучах заходящего солнца слова начальника станции замечательно подтвердились: на Каме показались три баржи и пароход, двигавшиеся к пристани. Куракин долго разглядывал их в полевой бинокль, покусывая губу, потом с досадой сказал:

— Да их тут несколько тысяч. Эх, орудие бы нам сюда, перетопили бы сейчас, как щенков...

Но орудия у нас не было, и штабс-капитан приказал отступать. Так, овладев пристанью всего на несколько часов, мы были вынуждены оставить ее и вновь отойти к Гольянскому тракту — мрачной лесной просеке, на которой все еще лежали трупы балтийских матросов, что-то забывших в удмуртских лесах.

По приказу Куракина ребята быстро свалили несколько деревьев, соорудив на тракте импровизированную баррикаду, мы залегли за ней и вдоль опушки леса, откуда отлично просматривалась дорога к пристани.

— С богом..., — пробормотал Куракин, заряжая винтовку.

Да, бог нам был кстати. Нашей роте предстояло при-

нять бой с полнокровной дивизией.

Ждать нам пришлось около часа. В сумерках со стороны Гольян до нас доносились шум и отдельные выкрики — красные высаживались на пристани. Это были шесть тысяч солдат Антонова-Овсеенко, того самого Антонова-Овсеенко, год назад руководившего взятием Зимнего и объявившего Временное правительство низложенным, — сводный отряд, состоявший из латышских стрелков, балтийских матросов и питерских партактивистов — самые боеспособные войска Второй армии и самая грозная сила, с которой столкнется Ижевск вплоть до финальных боев.

— Неужто остановить их надеется, товарищ капитан? — услышал я слова Ивашова. — Видали же сколько их!

— Хоть задержим на время. А там посмотрим. Они-то не знают, сколько нас тут.

То ли большевикам не терпелось раздавить ижевский мятеж, то ли они воспылали праведным гневом, услышав о нашей лихой засаде на балтийцев, но ждать утра они не стали. Двинулись к тракту сразу же после высадки, можно сказать от пирсов.

В темноте мы слышали топот множества ног, лязг оружия — приближались колонны большевиков.

— Не стрелять без команды! — передал по цепи Куракин.

Трудно такую команду выполнить — это я быстро понял. В лунном свете на нас шел огромный отряд, даже дороги им не хватало — шли полями, там виднелись темные силуэты всадников. Не знаю, как остальным, а лично мне хотелось сделать одно из двух: или немедленно драпануть в лес или спустить курок — я уже прицелился в одну мрачную тень на дороге. В общем, зашкаливающее количество адреналина в крови настойчиво призывало меня сделать хоть что-то и, если бы оборачиваясь я не видел абсолютно бесстрастного лица штабс-капитана, я бы точно не выдержал.

Они подошли уже метров на сто и только тогда я услышал долгожданное:

— Огонь!

По всей нашей линии тут же повис пороховой дым — серыми облачками в ночном воздухе. На флангах застроили трофейные пулеметы, озаряя темноту яркими вспышками. Черные тени впереди мгновенно попадали, и все поле перед нами замелькало огнями — красные стреляли в ответ. Я боялся поднять голову — так часто свистели пули, а стволы сосен дождем разлетались на щепки.

Стрельба велась уже несколько минут, когда я осмелился чуть выглянуть из укрытия. Красные вытянулись в цепи и приближались к нам перебежками, причем наш маленький отряд явно охватывали с флангов.

— Отходить! — заорал Куракин, первым бросаясь к просеке. — Отходить в лес!

Отклеившись от стволов баррикады, все бросились за ним. Нет, не все: я видел, что несколько человек не двинулись с места, остались лежать, где лежали. Потери...

Минут двадцать мы бежали по лесу, но мне казалось, что прошла уже как минимум пара часов. Дыхалка ни к черту! Я задыхался, жадно хватая ртом воздух. Да еще винтовка мешала, побегай-ка по лесу, когда штык за каждую ветку цепляется! И ладно бы еще днем, так темно же, как у негра в жопе. Но останавливаться я и не думал. Лучше бежать пока легкие не надорвешь, чем получить пулю в спину. Или штык, не знаю, что хуже.

Добежали мы чуть не до железной дороги. Здесь Куракин быстро собрал людей и произвел переключку по отделениям. Недосчитались пятнадцати человек. Неплохо, учитывая, что в тех же двух стычках красные потеряли не меньше двухсот — трехсот.

Видимо, это произвело на них впечатление. Решив, что на Гольянском тракте стоит сильный заслон, Антонов

не рискнул войти в узкую просеку глухого ночного леса, а, плюнув на нас, повел свой отряд на Завьялово, рассчитывая войти в Ижевск с юга.

Примерно такие соображения я и высказал Куракину, когда он решал, что делать дальше. Не знаю, правда, насколько он нуждался в моих советах.

— Я тоже так полагаю, — кивнул штабс-капитан. — Это однако очень не хорошо. Остановить их мы не можем, и если они будут идти всю ночь, утром выйдут к Ижевску. А там некому с ними сражаться. Слишком их много. Да и как еще дело у вокзала обернулось...

Он на минуту задумался.

— Ладно, нечего тут стоять. К поездам! К поездам быстро!

Погрузившись на платформы, мы понеслись к Ижевску, притормозив у Позими, примерно там, где я встретил отряд Бабушкина. Здесь с поезда спрыгнули Ивашов с парой парней, капитан приказал им раздобыть несколько подвод с лошадьми и ждать в этом же месте через три часа. Вслед за Ивашовым в ночь ушли три отделения, получившие приказ рыть яму на Завьяловском тракте. Я знал, зачем это все делается и восхитился тем, как четко, в абсолютном временном цейтноте, Куракин все это задумал и организовал.

Как только мы прибыли на ночной завод, началась бурная деятельность. Будить никого не пришлось, ночевавшие на заводе рабочие волновались, ожидая известий с «фронтов», собирались кучками, разговаривали. Эти полуночники оказались нам очень кстати. Куракин тут же наладил рабочие партии, приказав грузить на платформы мешки со взрывчаткой с заводских складов.

Пока шла погрузка, он наткнулся на какого-то знакомого из заводского начальства. Это бы грузный толстяк в синей блузе с золотыми пуговицами. Она едва сходилась на его пузе, а из-под фуражки на нас смотрели голубые глаза в которых, казалось, навечно застыло какое-то недо-

уменное выражение. Капитан спросил его, что слышно про Федичкина.

— Час назад вестовой был, — ответил тот, прихлебывая чай из жестяной кружки. — У вокзала, говорит, бой идет. Да вы не слыхали разве? Там же недалеко проезжали.

— Нет, не слыхали. Может, кончилось все?

— Если так, ждем вестей... Чаю хотите?

— Нет, Петя! Какого чаю?! Водка есть у тебя?

Петя шмыгнул носом.

— Найдется. Сейчас принесу.

Он вынес поднос с бутылкой и тремя стопками. Я хлебнул со всеми и тут же закашлялся:

— Ключница водку делала.., — пробормотал я, ища глазами чем закусить.

— Какая ключница? — удивленно спросил Петр.

— Да не, это я так.

— Черт! Знать бы, что там у Дмитрия Ивановича, — бросил Куракин, вновь наполняя чарки.

— Нормально все, — сказал я, опрокинув еще одну стопку и разом развеселившись. Нет, что ни говори, а водка, если приходится воевать, вещь хорошая. Нужная вещь. — Разбили они красных, не сомневайтесь. Я отвечаю.

— Мне бы вашу уверенность, поручик... Слушай, Петя, мне некогда, отбываем сейчас. Вон погрузку заканчивают. Передай Дмитрию Ивановичу, по Завьяловскому тракту движутся тысячи четыре красных...

— Шесть! — перебил я. — Там шесть тысяч.

— Четыре — шесть тысяч красных. Мы попробуем их задержать, но надолго не рассчитывайте. Со всеми, кто есть, пусть выступает к Завьялову. Не медлите, время не тяните, иначе утром они будут в Ижевске.

— Понял. Сейчас отправлю кого-нибудь к вокзалу.

Когда мы садились на поезд, Куракин оглянулся на двор, забитый взволнованными рабочими.

— Сколько народу, а мы три сотни солдат наскрести не можем, — сказал он, как мне показалось, с горечью. —

Если не расшевелиются, не удержим большевиков.

— Расшевелиются, товарищ капитан, — ответил я. — Обязательно расшевелиются.

Доехав до места, где мы условились встретиться с Ивашовым, мы обнаружили, что времени он зря не терял. Нас ожидали четыре подводы с лошадьми, на которые мы быстро погрузили взрывчатку. На тракте работа тоже кипела, парни вырыли изрядную яму, в которую мы заложили наш смертоносный груз. Получилась такая гигантская мина. Сверху накидали веток и присыпали все до кучи землей, а внутрь заложили бикфордов шнур, выведя несколько концов в лес. К шнурам поставили четырех добровольцев. После этого весь отряд вновь отошел к железной дороге, и мы стали ждать.

Прошло часа три. Я курил папиросу, чтобы хоть так прогнать подступающий сон, и смотрел в сторону леса. Над верхушками деревьев небо уже посветлело, утренний холодок забирался под китель. Я поежился и тут...

По глазам резанула красно-желтая вспышка. Над лесом взметнулся гигантский столб дыма и пламени, а спустя пару секунд по ушам ударил грохот взрыва. Мне показалось, что от ударной волны покачнулся поезд на рельсах.

— Вот это да.., — пробормотал кто-то рядом со мной.

— Матерь божья.., — вторил другой голос.

— В цепь! — скомандовал Куракин. — Вдоль дороги! Пулеметы к бою!

— Скоро полезут, — пробормотал он, падая рядом со мной. — Где же, черт побери, полковник?!

Взрыв фугаса задержал красных примерно на час. Пока они восстанавливали порядок, отряд Федичкина, только что разгромивший две тысячи солдат Чеверева, успел выдвинуться к нам на двух поездах. Теперь у нас было около трехсот человек при пяти пулеметах, которые поставили на платформах, и мы заняли оборону вдоль железной

дороги, держа под прицелом тракт.

Слева из-за леса показался красный шар Солнца и я вдруг подумал, что видел рассвет всего пару раз в жизни — вот так то в городе жить. А красиво, черт возьми! Ага, красиво — первые лучи Солнца блеснули на штыках большевиков. Их цепи появились из леса и сразу начался бой — который уже по счету?

Нас было слишком мало, чтобы при лобовом столкновении долго удерживать позицию против двадцатикратно превосходящего противника, но некоторое время мы держались. Помогали нам поезда, курсирующие вдоль линии обороны, поддерживая пулеметным огнем и быстро перебрасывая солдат вдоль железной дороги. Вскоре, однако, красные пустили в ход еще один козырь.

Что-то свистнуло справа от меня, внося диссонанс в привычные звуки боя — хлопки выстрелов, пулеметные очереди и мат-перемат солдат. Потом сзади оглушительно грохнуло и нас осыпали комья земли.

— Артиллерия, твою мать! — заорал Ивашов.

— Черт! Против пушек долго не устоим, — сказал Куракин, перезаряжая винтовку. — Сейчас пристреляются и... Савушкин! Ивашов! Быстро на поезд и дуйте в Завод. Поднимайте народ! Как хотите, а доставьте нам подкрепления!

Где-то за лесом вновь ахнуло. Что-то просвистело и грохнуло. Меня обдало горячим воздухом, и я вжался в землю. Комья земли барабанили по спине. Подняв голову, я увидел Федичкина. Полковник, придерживая фуражку, что-то кричал Куракину, но я ничего не слышал. Я сглотнул и мотнул головой и только тут услышал ответ капитана — уши, видимо, заложило.

— Да! Я отправляю поручика и Ивашова!

— Савушкин?! — уставился на меня полковник. Я молча кивнул. — А, черт с вами! Давайте! Не стойте, как столб! Быстро! Быстро! И вы, Владимир Иванович, с ними. Что?! Не возражать! Это приказ!

Мы рванули к поезду. Машинист уже махал нам рукой,

а паровоз набирал ход. Мы заскочили с разбегу, цепляясь за борта платформы, Ивашов протянул мне руку — тут я аж спиной почувствовал вспышку и ужасающий жар, и сейчас же повалился на пол.

— Еб... ть! — выдохнул Ивашов, все еще сжимая мою ладонь.

Я обернулся, прикрывая глаза. Снаряд накрыл наш второй поезд, разворотив его нафиг. На путях полыхал огромный пожар. К счастью, мы быстро от него удалялись, под нами стучали колеса. Мы снова неслись к Ижевску и вовремя — видя, что позицию не удержать, Федичкин приказал отходить.

Мы пронеслись через кварталы Зареки к Заводу. Всюду на улицах был народ, люди волновались. Даже здесь слышались взрывы. В этот момент красные подошли к Ижевску и, установив орудия на холмах у Позими, начали обстрел города. Снаряды рвались на улицах, превращая в щебенку и щепки дома. Уже появились первые убитые и раненые среди мирного населения. Я знал, что к вечеру заводская больница будет переполнена, а врачи, сколько их ни есть в городе, будут сбиваться с ног, ведя свой бой, сражаясь за жизнь каждого пациента.

— Ну что там?! — бросился к нам Петр, едва поезд заехал во двор.

— Плохо! — крикнул Куракин, соскакивая на землю. — Давай гудок!

Петя на мгновение замешкался, потом понял. Кивнул и побежал куда-то к башне будущего Ижмаша, тяжело топая сапогами.

Я тоже бежал вслед за Куракиным к Генеральскому дому. И тут я услышал заводской гудок. Он ревел, как сотня разъяренных слонов, врываясь в каждую улочку Ижевска. Последний раз такие гудки звучали над Ижевском полторы сотни лет назад, когда к городу подходили отряды Пугачева. Это был сигнал смертельной опасности, услышав его,

каждый должен был, бросив все, спешить к Заводу.

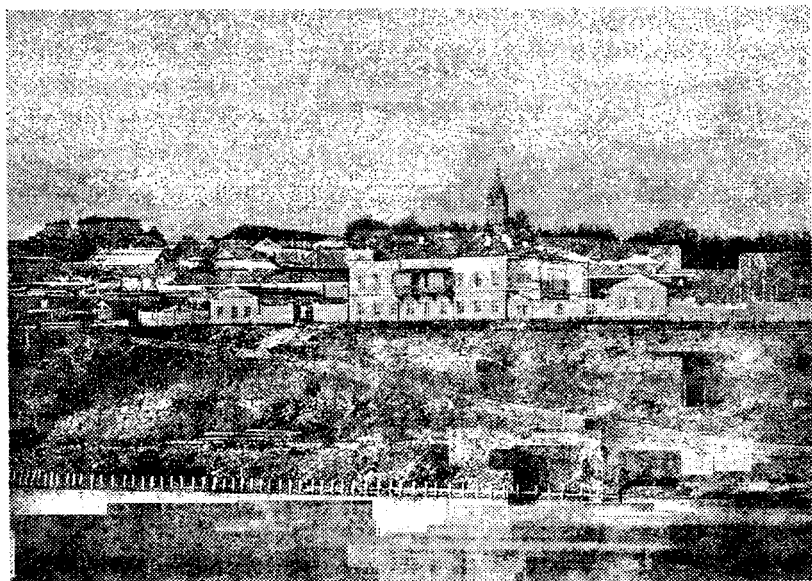
Довольно скоро на площади собралась огромная толпа, и люди все прибывали. Куракин влез на трибуну, оставшуюся тут, должно быть, от большевистских митингов и стоял, глядя на волнующееся море голов. Я встал рядом с ним, а гудок все ревел, но то и дело в его жуткий рев врывались звуки далеких взрывов. Внезапно гудок оборвался. Сразу повисла звенящая тишина. Даже разговоры прекратились.

— Товарищи! — сказал Куракин. Кашлянул и возвысил голос до крика. — Друзья! Там идет бой. Красные подошли к Ижевску. Мы не можем удержать их. Нас слишком мало, а их много. Неделию назад мы все вместе вышвырнули из Ижевска людоедов и кровопийц. Но они вернулись. Они идут мстить. Сейчас они стреляют по городу. Вон там горят ваши дома. Сюда идут латыши, австро-венгры, пьяная матросня, комиссары. Ленин отдал им приказ уничтожить Ижевск. Они идут убивать, грабить, насиловать. Вы — мужчины, многие были на фронте. Неужели вы будете стоять и смотреть, как комиссары насилуют ваших жен, дочерей и сестер? Как матросы убивают штыками детей для потехи? Как латыши грабят и жгут дома ваших дедов?!

Толпа заревела. Я видел, как вверх взметнулись сжатые кулаки. Голос Куракина гремел над площадью.

— Сегодня я зову вас в бой не за Учредительное Собрание. И не за Советы без большевиков. Сегодня мы должны драться за свою жизнь! И я говорю вам, друзья мои и товарищи, сражайтесь за свой город! За детей, матерей и жен! Если вы мужчины — сражайтесь! Берите винтовки, стройтесь в отряды, и вперед — в бой! Времени нет, надеяться нам, кроме как на себя, больше не на кого!

Он нашел единственно нужные слова. Только это могло поднять на бой весь рабочий Ижевск. Капитан еще не окончил речь, а толпа уже устремилась к мастерским, где хранились винтовки. И с этого момента судьба отряда Антонова-Овсеевского была решена.

Генеральский дом и Михайловская часовня на Горе. 1868 г.

Я стоял у здания Офицерского собрания, прислонив винтовку к стене, и слушал бой колоколов Александро-Невского собора — расторопный пономарь, видно, решил внести свою лепту в общий порыв. Мимо туда-сюда бегали люди. Куракин и нарисовавшиеся тут бывшие офицеры спешно организовывали взводы, роты, батальоны и тут же отправляли их в бой на поездах или просто пешком. На моих глазах создавалась Прикамская народная армия.

Молот заброшен, штыки и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой
Чем не герои, чем не солдаты
Люди, идущие с песнями в бой...

Да, в бой они шли именно так. А я... Я вдруг почувствовал страшную усталость. Не удивительно — всю ночь не спал. И не просто не спал, а прошагал и пробежал километров двадцать, да еще побывал, что называется, под огнем. Любой тут устанет. Любой? Но ведь тот же Куракин, даром что командир, прошел то же самое, а, — поди ж ты! — по нему и не скажешь...

Люди, влюбленные в светлые дали
Люди отваги, работы, труда.
Люди — как слитки железа и стали
Люди — прозвание которым руда...

— Савушкин?! Спите что ли?!

— Не, не! Не сплю! — я встряхнулся и отклеился от стены. Пора было грузиться на поезд.

Дивизию Антонова-Овсеенко мы разбили. В том бою. полковник Федичкин командовал, как генерал Джонсон

в битве при Бул-Ране. Постоянно прибывающие из Ижевска роты он направлял в обход красных вдоль Завьяловского тракта, и очень скоро рвущийся к Заводу герой взятия Харькова сам оказался в окружении. Большевики перешли к обороне, но яростный натиск ижевцев они сдержать не смогли. Наступать они уже не пытались. Расстреляв все патроны в продолжавшемся четыре часа оборонительном бою, красные начали сдаваться. Сам Антонов, бросив солдат, бежал к Агрызу на личном Роллс-Ройсе и, реквизировав поезд, укатил в Москву, поспешив забыть о своем позоре.

Я видел, как гибнут ударные силы Второй армии красных. Те самые, что должны были взять Казань, но получили приказ чуток свернуть, чтобы усмирить зарвавшихся «ижевских крокодилов». Всего-то на пару дней задержки, как посчитали в Москве. Свернули, да. Здесь они и остались.

В бою под Завьялово мы уничтожили четыре с половиной тысячи красных, взяли в плен около полусотни, еще тысяча разбежалась. Причем уйти с «доблестным» командиром смогли немногие. Почти всех остальных выловили наши крестьяне и... — ну, народный гнев, штука такая! Не считая прочих трофеев, в руки ижевцев попали шесть пушек и пятнадцать пулеметов. Это была победа. Полная, черт ее подери, победа! Однако, — я знал, — с этого момента большевики начали принимать ижевские события всерьез.

Усталость после боя навалилась особенно сильно. Куракин, однако, возвращаться в Ижевск не спешил. Обойти поле боя, похоже, собрался. Ну, и куда тут деваться? Я плелся за ним, едва что винтовку по земле не волоча — больно тяжелой она стала.

По тракту вели колонну пленных. Лица большевиков были мрачными и растерянными. Понятное дело — еще несколько часов назад весело шли на легкую прогулку,

предвкушая, как будут наводить «революционный порядок», а теперь вон оно как вышло. За ними ковыляли наши раненые, некоторых поддерживали за плечи товарищи. Объезжая трупы, а то и прямо по ним, катили к железной дороге трофейную пушку.

Деревья вдоль дороги были изрядно побиты пулями, а дальше виднелись жутко перекореженные черные стволы, кое-где все еще полыхало пламя, а по земле стелился дым — там взорвался фугас.

Пройдя через узкую лесополосу, мы вышли на большую поляну. Здесь трупов было особенно много, один на другом лежали. Я видел даже какое-то подобие окопов, которые пытались отрыть красные.

— Гляньте-ка, — сказал Ивашов, толкнув носком сапога винтовку, валявшуюся рядом с мертвецом в морской форме. — «Арисаки». Совсем как в Японскую, товарищ капитан, помните?

Я с интересом взглянул на эту винтовку. Да, отличается от нашей, сразу видно. Продукт японской технической мысли... Вот, значит, почему их тут до сих пор находят, если порыться с металлоискателем.

— Тут ими половина, наверное, вооружена, — согласился Куракин. — Японская «Арисака» против русской трехлинейки получается... Снова... Эй, парень! Чего морду кривишь?!

Он зашагал в сторону шнырявшей по полю кучки гимназистов. Один из мальчишек согнулся пополам над особо обезображенным трупом и знакомил нас с тем, что он скушал на завтрак. Можно понять — тому красноармейцу, похоже, пол черепа снесло.

— Тебе патроны приказали собрать, а не блевать! Самому же потом пригодятся...

Я отошел в сторону, подальше от трупов и достал папироску. И тут я заметил человека на краю поляны. Он сидел на земле, прислонившись спиной к молодой ели. На поясе у него болталась кобура с револьвером, а на коленях лежал

большой блокнот, и он что-то увлеченно писал, не отрывая взгляд от бумаги.

Пуская дым, я посматривал на него, лениво размышляя, что это за писатель-беллетрист тут нашелся. Я уже почти докурил, когда он поднял голову и его голубые глаза довольно блеснули. Отбивая такт карандашом по щеке, он вдруг пропел, глядя куда-то вдаль:

«Allons enfants de la Patrie

Le jour de gloire est arrivé!»

«Верно подмечено», — подумал я и негромко подхватил:

«Contre nous de la tyrannie

L'étendard sanglant est levé!»

Он удивленно посмотрел на меня, потом сверкнул белозубой улыбкой.

— Ah! Monsieur parle francais?

— Seulement un peut, — ответил я, щелчком отбрасывая бычок.

Он вскочил на ноги, быстро тряхнулся и протянул мне руку.

— Jean Chretien. Et vous?

— Savushkin Alexandr. Le... эээ... poruchik. Etez vous francais?

— C'est ça! Впрочем, я прекрасно говорю по-русски, если вам так удобнее.

«Кого здесь только не встретишь», — подумал я. «Хранцуз, блин, путешествуют!»

— Что пишите? — спросил я, кивнув на блокнот.

— Репортаж. Будет в завтрашнем номере. Я в некотором роде журналист. Неделю уже. Тут группа товарищей газету организовали. «Ижевский защитник». Слыхали, может?

Как же, слышали конечно. Но француз-то при чем?

— Подписываюсь «Иван Крестьянинов», — пояснил он, будто прочтя мои мысли.

Занятно. Никогда бы не подумал.

— А вы, правда, здорово по-русски говорите.

— Еще бы! Десять лет в России.

— Как так?

— C'est l'amour, comme ça... Зять, так сказать, Ивана Николаевича Евдокимова. Знаете, наверное? Оружейная фабрика у него была. Пока большевики не отобрали.

Во дела! Было же время — французы в Ижевск к невестам ехали. Не наоборот, как у нас.

— Что ж, приятно было побеседовать, поручик! Но надо спешить, пора в набор сдавать. Знаете, ведь я журналистом начинал, еще в Париже, потом как-то всё... И вот — такой случай. Как не писать? Жаль, печататься могу только здесь, телеграф не работает, связи совсем нет... Полагаю, еще увидимся?

— Да, конечно.

Он действительно бегом пустился к тракту. А я задумался над его последними словами. Точно ведь. О событиях в Ижевске не знал никто. О них не писали, не говорили. Даже солдаты, перебрасываемые сюда из Питера и Москвы, узнавали, куда они идут в последний момент. Большевики позаботились. Информационная война, как говорят в наше время. Не зря они так старались, надо думать. Но как это «наши» такую фишку не просекли? Недооценивали значение пропаганды? Или в это время инфовойна не так важна? Интернета-то нет. Даже телевидения нет. Одни газеты...

— Поручик! — окликнул меня Куракин. — До вагона дотащите? Эти орлы тут целый «Льюис» проворонили. Хорошо, что мы присмотрели, а?

А я еще думал, это винтовка тяжелая...

Поезда отошли, нагруженные ранеными, убитыми и трофеями. Может, еще кому места хватило, но в основном мы возвращались пешком. Километров десять протопали. Когда я оборачивался, мне казалось, колоннам солдат нет конца — в этом бою с нашей стороны участвовало

тысяч пятнадцать. Считай, все мужское население, поэтому неудивительно, что в городе возвращения армии ждали, как Пенелопа Одиссея.

Ижевск встречал нас колокольным звоном и крестным ходом. Бородатый батюшка, — я узнал в нем настоятеля Троицкой церкви, — благословлял нас иконой. Улицы заполняли тысячи нарядно одетых людей, весь город, наверное, был здесь. Мы шли как бы по людскому коридору, но мужчин в нем почти не было: женщины, дети, старики. Нас встречали радостные улыбки, песни и цветы — целое море цветов. То и дело можно было видеть, как к одному или другому из солдат протискивается жена или невеста, они останавливаются, обнимаются и дальше идут уже вместе, в нашей колонне. Ну и дети, конечно. Чем дальше, тем больше их цеплялись за папок, а многие уже ехали на плечах.

Да, нас встречали, как победителей. Как спасителей и героев. Радость была совершенно искренней, неподдельной. И могло ли иначе быть? Они ведь встречали братьев, мужей, сыновей и отцов. Сегодня весь город будет праздновать нашу победу!

Таких встреч и такой радости здесь больше не будет...

Мой взгляд скользил по толпе, как вдруг я заметил девочку лет десяти. Она стояла чуть впереди, прижимая к груди букетик лютиков, и как будто пыталась разглядеть кого-то среди солдат. Почему я заметил ее? Может быть, потому что она была одна, и что-то как бы отделяло ее от всех, а может потому, что среди веселых и радостных лиц, улыбок и смеха, ее глаза были полны печали, а по щеке катилась слеза.

Может, она ждала отца? Если так, я всей душой пожелал, чтобы он не был среди тех, кто возвращался в город на поезде. Надеюсь, дождется, за нами вон еще много народу.

И вдруг я подумал, что будет с ней через три месяца, меньше даже уже? Неужели... Как наяву увидел бурную

серо-свинцовую воду, и дождь хлещет по лицу, и качающийся понтон через Каму. А потом — запорошенные снегом сибирские тракты, и все дальше, дальше, к Океану на другом конце света и китайской границе. Харбин? Да...

Коль вещи не судишь строго
Попробуй в коляску сесть:
Здесь девушек русских много
В китайских притонах есть.
У этой, что спиртом дышит
На стенке прибит погон.
Ведь она еще знала Ижевск
Ребенком войдя в вагон...

Не про нее ли напишет Несмелов полтора десятилетия спустя, в этом пронзительном «Пустой начинаю строчкой»? Сколько их было, сколько их будет — тех, кто очень скоро покинет Ижевск навсегда. И вечная тоска ждет их за тысячи километров от дома, но и город никогда больше не станет прежним, таким, каким я видел его сейчас...

Внезапно кто-то толкнул меня в спину и я разом очнулся. Вернулся к действительности, что называется. Надо же, сам не заметил, как остановился. Вокруг царило настоящее ликование и один я тут чего-то раскис. Это все от усталости. Поспать надо, сутки спать, наверное, буду. Или двое. Найти бы только вот где..

Я переложил проклятый «Льюис» на другое плечо и бросился догонять Куракина.

От пулемета я избавился в Военном отделе. Бросил на пол, где уже целый арсенал образовался.

— Идемте со мной, поручик, — сказал Куракин. — Решим ваш вопрос, не будем откладывать. Потом определю вас куда-нибудь на постой.

Я поплелся за ним в кабинет на втором этаже, мечтая только о том, чтобы «мой вопрос», в чем бы он там ни состоял, поскорее решился, и я мог бы уже где-нибудь спокойно упасть.

— Подождите, — бросил капитан, впустив меня в кабинет. — Сейчас принесу бумаги.

Он вышел, а я сразу же облюбовал удобный кожаный диванчик и присел, вытянув ноги и откинувшись на спинку. Какое блаженство! Не надо больше никуда бежать, ничего на себе тащить, не надо даже стрелять. До меня доносились отдельные голоса, где-то в здании хлопали двери, кто-то то и дело сновал по коридору, но здесь было тихо. Сквозь открытое окно задувал приятный прохладный ветерок, влетало птичье чириканье. Не знаю, сколько Куракин отсутствовал, но я его не дождался. Сам не заметил, как уснул прямо там, на служебном диване.

Не могу сказать, что спал я спокойно. Снилось мне железная дорога, мерно стучали колеса поезда и я ехал, ехал..., — сам не знаю куда. А вокруг гремели взрывы, и кто-то все время пытался заколоть меня штыком. Бр-р!

Время от времени, я, видимо, просыпался, потому что сквозь дрему слышалось какое-то бормотание и мне казалось, что вокруг ходят люди. Однако, как бы там ни было, выспаться мне удалось. Открыв глаза и сообразив, где нахожусь, я быстро сел. Кто-то позаботился укрыть меня старой шинелью, но сапоги по-прежнему были на мне.

Наверное, это к лучшему.

— Проснулись? — спросил Куракин из-за стола. — Самое время.

— Долго спал?

— Да уж всю ночь и чуть не полдня будет. Я вас будить собирался, а то проспите все.

— А вы что же, все это время...

— Тут и просидел? — хмыкнул он. — Нет, конечно. Но вас уж решил тут оставить. Все равно, пока не отдохнете, толку от вас немного. Завтракайте. Хотя по времени точнее будет — пообедайте. Взял на вас паек.

Он указал на край стола, на котором стоял прикрытый белым вафельным полотенцем поднос. Я тут же ощутил страшный голод и упрашивать меня не пришлось — подскочил к столу, как голодающий Поволжья.

Пока я с наслаждением уплетал черный хлеб и свиную тушенку из консервной банки, — хорошая, кстати, была тушенка, вкусная, жирная, — капитан выложил передо мной какие-то бумаги, а сверху положил мой старый револьвер в кобуре, изъятый у меня, кажется, целую вечность назад.

— Значит так, поручик. Вы официально зачислены в армию. Состоите в моем отряде. Это ваши документы. Вот это вам фотографию возвращают, деньги, оружие... Сегодня можете отдохнуть. Пакет будете получать при кухне, денежное довольствие — в казначействе. Комнату вам при Заводе отведут, не бог весть что, да вам, впрочем, нечасто бывать там придется. Как закончите есть, Ивашов вас проводит, покажет все. Устраивайтесь. Вечером чем собираетесь заняться?

Я задумался, не забывая доскрести ложкой банку и вылизать хлебом жир. Вихрь последних событий закружил меня и понёс, не давая опомниться, так что остановиться и оглядеться времени не было. Но теперь, похоже, время пришло. Я чувствовал себя более подготовленным, что ли. Ошеломление первых дней, можно сказать, про-

шло. И да, одно дело у меня было.

— Схожу, наверное, Штерна провести.

Куракин как-то странно на меня покосился.

— Павла Самуиловича? Скажите-ка, он все-таки близкий вам человек?

— Да нет, не то чтобы... Я бы не сказал.

— Ну, тогда сходите, проведите. Да, сегодня часам к семи приходите в офицерский клуб. Там общество собирается. Будут дамы...

Тут же окинув меня оценивающим взглядом, он добавил:

— Вам бы в порядок себя привести. Вот что, скажите Ивашову, чтобы баню вам показал. И зайдите к интенданту, подберите что-нибудь из нового обмундирования. А откажет — суньте ему под нос вот эту бумагу и ссылайтесь на меня.

Совет привести себя в порядок был весьма своевременным: грязи от меня на диване и под диваном осталось столько, что уборщица, несомненно, меня проклянет. Поэтому следующие два часа я употребил на баню, интенданта и осмотр коморки при заводском бараке, где мне, судя по всему, предстояло жить. Кроме кровати, стола и стула там ничего не было, зато на узком оконце красовались новые занавески, вышитые понизу сложным узором.

На стол я сразу же выгрузил взятые на кухне продукты — не мешало запастись впрок, туда же швырнул выданный мне вещмешок. Проводив меня до комнатухи, Ивашов, посчитав долг исполненным, убыл по своим делам, а я, облачившись в новую гимнастерку и галифе, начистив до блеска сапоги и пристегнув к ремню кобуру, отправился на Базарную, продолжать знакомство с Павлом Самуиловичем Штерном.

Было около четырех часов вечера. Я шел по залитой солнцем улице, вдоль которой шумели зеленые тополя,

и заставлял отголоски вчерашнего праздника. Сам праздник я, должно быть, проспал. Тут громко смеется подгулявшая кампания, а там вон народ вокруг гармониста собрался. Кто-то даже пляшет чуть не вприсядку. Вместо машин навстречу мне попадались телеги с лошадами, позвякивали колокольчики, копыта цокали по мостовой.

— «Ижевский защитник»! Свежий номер!

Я обернулся и увидел такой знакомый по фильмам типаж мальчишки-газетчика. В заломленной набекрень кепчонке и с сумкой через плечо, он размахивал газетой.

— Бой под Завьялово! Блестящая победа! Все подробности!

Я махнул рукой, и он тотчас устремился ко мне.

— Всего тридцать пять копеек!

Отсчитав ему мелочь, я развернул газету и аж сглотнул от волнения. Этот самый номер я уже видел, вот так же в руках держал и читал. Только тогда он был желтым от времени, а ломкие страницы заставляли обращаться с собой с особой осторожностью и почтением. Этот же номер вкусно пах типографской краской и все еще оставался слегка влажным.

Я смотрел на газетный лист, как на старого друга. Вот это объявление внизу в рамке я даже отчего-то запомнил почти дословно: *«В Ижевской гимназии имеются свободные уроки географии, природоведения, гимнастики, рукоделия и рисования. Лица, желающие занять означенные должности, должны подать заявление в Педагогический Совет гимназии»*, а статью «Бой по Завьялово» тоже, конечно, уже читал.

Но теперь, пробегая ее глазами, я знал, кто и где ее написал. Так и видел того журналиста-француза с блокнотом на коленях, на поле боя, еще не остывшем от жаркой схватки, торопливо выводящего карандашом предложения. Нет, в прошлый раз я не уловил духа времени, не разглядел, что стояло за строками...

Просмотрев газету, я уже хотел бережно ее сложить,

но, разом вспомнив, где нахожусь, усмехнулся и сложив ее вчетверо, просто сунул в карман и двинулся дальше.

О том, что случилось нечто неладное, я понял еще изда-лека и ускорил шаг. Так и есть. На месте дома профессора Штерна громоздилась куча развалин, из которой торчал почерневший от копоти остов дома. Приехали! Ну, почему именно этот дом?! Почему мне так «повезло», черт возьми?!

Напротив того, что осталось от дома, стоял мальчишка лет двенадцати, в большом картузе со сломанным козырьком и рубахе, которая явно ему была велика. Он лузгал семечки, сплевывая на дорогу, и с интересом посматривал на меня.

— Эй, малец! Что здесь случилось-то?

Пацан охотно подошел, как будто только и ждал, с кем впечатлениями поделиться.

— Вчера сгорел, когда из пушек стреляли. Ужас, что было! Два снаряда прилетело! Бах! Бах! У нас все стекла вылетали, а потом загорелось все. Пожарники были, тушили. Я сам все видел!

— А хозяин?! Хозяин что?

— Дак искали его. Камни растаскивали, а не нашли. Говорят, там он где-то лежит.

Я сплюнул с досады, а, оценив расстояние, которое пришлось пролететь снарядам, еще и выматерился про себя. Это ж надо, чтоб именно сюда! Снайперы чертовы!

Не то чтобы я особо сожалел о судьбе Штерна. Кто он мне такой, в конце концов? Но он был той тоненькой ниточкой, потянув за которую я надеялся распутать загадочные обстоятельства моего появления здесь. Надежда, конечно, слабая, но теперь-то и ее не осталось.

— А ты, товарищ офицер, Пал Самуилыча искал? — поинтересовался догадливый пацан, шмыгнув носом.

— Типа того.

— Ась?

— Ну да, да! Искал.

— Дашь рубль, расскажу кой-чего. Че я тут видел-то потом...

Я немного подумал и, пошарив в кармане, выудил монету.

— Держи, вымогатель. Что ты там видел?

— Под утро, когда пожарные ушли, сюда тетенька одна приходила. По развалинам шастала, искала чего-то.

Ого! Я поспешно достал фотографию.

— Эта? Эта тетенька?

— Она самая, — подтвердил пацан, поглядев на нее.

— А потом? Потом она куда делась?

— Да я почему знаю? Ушла куда-то. Я и не увидел, когда. Отвернулся вроде, смотрю — нету ее уже... Как сквозь землю провалилась.

Выходит, существует все-таки эта Маша. И даже была здесь. А я, значит, все позорно проспал. Ну что тут скажешь? Сам виноват!

Камешек коснулся воды и, подпрыгнув, полетел дальше. Раз, два... Все, утонул. По воде побежали круги.

Я сидел на траве у берега пруда в том месте, где в будущем построят Мотозавод и пил темное пиво из бутылки. Бутылка была стеклянная поллитровая, а пиво местное, с Бодалевского завода. Пиво, за которое я уплатил восемьдесят копеек, оказалось довольно кислым и, на мой взгляд, крепковатым.

Слева от меня за дощатым забором шумел деревьями Генеральский сад — будущий парк Горького. Правда вместо аттракционов и привычного мне колеса обозрения здесь возвышался большой деревянный лабаз. Над прудом, пронзительно крича, проносились чайки. Я рассеянно смотрел на них и на несколько лодочек, качавшихся на воде в километре от берега. Рыбаки.

Время подходило к шести, пиво я почти прикончил — еще три пустые бутылки валялись рядом, — и теперь просто наслаждался минутами покоя и одиночества. Наверное, это было мне нужно — передохнуть, побыть одному. С мыслями собраться.

Было мне досадно, что Маша вновь от меня ускользнула. Мне казалось важным ее отыскать. Почему это было так важно? Не знаю. Я бы не смог объяснить, но встретиться с ней мне очень хотелось. Ведь и правда — могло ли быть случайным такое сходство девушки с фотографии и моей Ирки из Двадцать первого века? Что-то за всем этим крылось... Но как разыскать ее? Никаких идей у меня так и не появилось. Разве что к местной разведке обратиться. Они должны были чекистские бумаги захватить, может, там что-нибудь есть. Посмотрим. Да и потом надо это как-то замотивировать...

Еще я думал о том, есть ли какая-то возможность применить на практике мои знания о будущем. Меня все больше захватывала идея попытаться что-то здесь изменить. Последний бой и наша впечатляющая победа по-настоящему меня вдохновили. «Почему», — думал я, — «сначала все было так хорошо, и вдруг стало так плохо?» Иного ответа, кроме банального «патроны кончились» у меня не было. Доставить Ижевску патроны я при всем желании не мог. Значит, нужно было что-то еще, что-то другое...

А ну-ка, какая у нас сейчас обстановка? Воткинск уже освобожден. Капитан Юрьев (та еще личность, кстати, очень загадочный это был человек) принял бразды правления и приступил к созданию воткинских вооруженных сил. В ближайшие дни они начнут устанавливать контроль над окрестными селами, будет несколько стычек, но в целом обстановка там пока что остается спокойной.

Ижевск также получит несколько дней передышки, пока красные собираются с силами. Нет, даже не так. Разгромив самые боеспособные части Второй армии красных, Ижевск сейчас завладел стратегической инициативой. Штаб Второй армии в Сарапуле полностью дезорганизован. Сейчас они думают только о том, как половчее сбежать из города и вывезти все, что смогут. Ждут визита мятежников. И он состоится — 31 августа, то есть почти через две недели.

Но почему так поздно? Сарапул можно брать прямо сейчас, сопротивляться там некому. Почему медлил Федичкин? Почему он медлит сейчас? Эта пауза дает только одно — возможность большевикам эвакуировать на пароходах военное имущество и что они там еще вывозили. Так, так, так...

А почему бы товарищу Савушкину, уже официально офицеру Прикамской народной армии, не выступить с таким предложением? Да, но послушает ли меня полковник? Фиг его знает. Ведь в его глазах это крупная военная операция, не поверит, тем более, он, кажется, до сих пор ко

мне с подозрением относится. Можно попробовать поговорить с Куракиным. Его убедить, пожалуй, более реально. Что ж, значит — Сарапул...

Я увлекался все больше, хотя, с другой стороны мысль об этом «наполеоне», который расселся тут с бутылкой пива и, дымя папироской, строит стратегические планы разгрома красных, у меня тоже мелькнула. Достаточно ли для этого моих знаний? Не уверен. И не факт, что получится. Но почему бы, в конце концов, не попробовать?

«Так, а что у нас на северном направлении?» — подумал я, выпуская дым. Чепца... Нет. Цель хорошая, но даже мне ясно, что в Ижевске нет пока сил для удара по станции. Это потом, когда крестьяне подтянутся. Красные отлично понимают, что будет, если мятежники перережут единственную железнодорожную ветку, связывающую Центр с Третьей армией и потому будут защищать ее всеми силами. Там у них сейчас спешно формируется Особая Вятская дивизия.

Артиллерийский дивизион Нечаева, следующий через Вятку на Восточный фронт, уже получил приказ остаться здесь для помощи Вятской дивизии в подавлении Ижевского мятежа. С ним же и комиссар Журавлев, который вот-вот начнет свои рейды на северо-восточном направлении. Этот шустрый комиссар первым сообразил, что между фронтом разворачивающейся Вятской дивизии и Третьей армией Берзина, которая уже начала сосредотачиваться против Воткинска, существует большая брешь, и повстанцы могли бы этим воспользоваться.

Там назревало еще одно крупное крестьянское восстание, которое могло бы поставить под угрозу левый фланг Вятской дивизии и надежно прикрыть Воткинск с севера. Поняв это, Журавлев, не дожидаясь пока тяжелая машина дивизии полностью развернется, собрал конный отряд, прозванный потом «Чертовой дюжиной» и, вооружившись до зубов, предпринял отчаянно-смелое нападение на Петропавловское. Внезапным ударом он обезглавил

назревающий в волости бунт, а в дальнейшем действовал настолько умело, что уже к середине сентября его отряд вырос до полутысячи штыков и сабель. Его действия обеспечили фланг дивизии и сделали возможным успешное наступление на Воткинск.

Ну а если рейд Журавлева провалится? Хмм... А ведь товарищ Журавлев очень уязвим. Село Петропавловское. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое августа. Я ведь знаю где, когда и какими силами он ударит. Может, вот оно?

От маленького камешка по воде расходятся большие круги. Маленький камешек рождает лавину... Не начать ли нам с малого? Маленький камешек, который мы кинем в красных, может привести к серьезным последствиям. Если, конечно, Куракин меня послушает...

Я бросил окурок к двум его братьям и тщательно затоптал сапогом. Что ж, как говаривал старина Цезарь — «жребий брошен». «Алеа», мать ее, «якта эст». Мы вступаем в войну. По-настоящему. Надо с Куракиным серьезно поговорить. Он же, как ни крути, мой командир получается. Значит, будем действовать через штабс-капитана.

Кивнув собственным мыслям, я вскочил на ноги и не спеша зашагал к Офицерскому собранию, насвистывая себе под нос бодрый мотивчик.

Офицерское собрание занимало здание будущего Министерства торговли, только вместо четырех этажей сейчас в нем было лишь два. Пройдя через большой вестибюль, где скучал пожилой швейцар, — меня он ни о чем не спросил, видно пропуском послужила форма, — я поднялся по широкой лестнице на второй этаж.

Здесь обнаружился просторный зал с паркетным полом и многочисленными окнами, задрапированными бархатными шторами. Посреди зала стояла пара бильярдных столов, занятых компанией офицеров. Шары с характерным стуком катились по зеленому сукну. Народу, вообще, было много. Большинство в форме, но были и люди в гражданском, а также обещанные Куракиным дамы в довольно-таки скромных платьях. Кто беседовал у портьер, кто сидел за столиками в конце зала — там было нечто вроде бара, — кто просто прогуливался, раскланиваясь со знакомыми.

Я остановился у входа, не зная, куда податься. Пока осматривался, ко мне подошел официант с подносом, уставленным фужерами. Я кивнул, взял бока и отпил. Шампанское. Повернув голову, я увидел свое отражение в большом, до потолка зеркале. Бравый офицер в сверкающих кожаных сапогах, с портупеей и кобурой на боку, в руках бокал с пузырьками — прямо «как в лучших домах Лондона и Парижа!» Подмигнув сам себе, я двинулся по залу, оглядываясь в поисках знакомых лиц.

— Савушкин!

От группы, мимо которой я как раз проходил, отделился один человек и махнул мне рукой. Я сразу узнал Рощина.

— Вижу, устроились уже, — сказал он, пожимая мне руку. — Очень за вас рад. Что ж меня-то не разыскали?

— Так времени не было, — ответил я, отхлебывая шам-

панское. — Сначала с Куракиным в Гольяны наведались, потом Завьялово.

— Были в деле? Я тоже. Как красных от вокзала отбили, так сейчас в поезда и к вам перебросили. Жаль, не встретились, хотя там такая суматоха была... Вы теперь куда приписаны?

— Я у Куракина.

— Ну что ж, считайте, вам повезло. Владимир Иванович — прекрасный командир. И всяко лучше, чем в заводских казематах.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Зачем вы эту кислятину пьете? Бросьте, поручик! Идемте, водкой вас угощу. После такого дела — в самый раз будет. Погуляем сегодня!

Мы прошли через весь зал к небольшому бару. Здесь стояли шесть столиков и два из них были свободны. Рошин переговорил с человеком за стойкой, и на наш стол выставили бутылку с двумя стопками, соленых огурчиков и распластанную на ломтики рыбу в масле с кольцами лука и зелеными веточками салата.

— Ну, за победу! — сказал прапорщик, поднимая стопку.

Мы чокнулись и опрокинули по одной. Выдохнув, я торопливо закусил огурцом. Запивать водку здесь, видимо, было не принято, а жаль.

За столиком в углу тренькал на гитаре молодой человек с печальным лицом. Вокруг него собралась небольшая компания преимущественно таких же юных парней и девчонок, некоторые даже в гимназической форме. Напротив них сидели успевшие поднабраться солдаты, оживленно обсуждая подробности последних боев. Из зала до нас долетали голоса, смех, негромкие звуки музыки — кто-то завел граммофон.

— Где квартируете? — спросил Рошин, откинувшись на спинку стула и зажигая папиросу. Судя по дыму висевшему в воздухе и пепельницам на столах, курить здесь

не возбранялось.

— В бараке при Заводе. Но хоть отдельная комната.

— Не завидую. У меня не хотите остановиться? Дом большой, две комнаты все равно пустуют.

— Спасибо, но капитан сказал, в городе мы надолго все равно не задержимся.

— Это точно! Ждем, ждем чего-то... Самим бы ударить по красным бандитам. Впрочем, за нас это начальство решит.

Прям ведь мои мысли прочитал далекий мой предок! Мы хлопнули еще по одной. Эта пошла уже лучше.

— Не знаю, как вам, — сказал Рошин, туша сигарету, — А мне кажется, полковник ошибается, оставляя власть в руках этой четверки. Знаете их?

— Вы про Комитет Учредительного Собрания?

— Про кого ж еще... Да вон смотрите, — он вольготно развернулся на стуле, лихо закинув ногу на ногу. — Видите того лысого пузана в скюртуке? Того, что с полковником разговаривает? Это Евсеев. Болтун и типичная тыловая крыса. А вон того, высокого, как жердь, с лошадиной челюстью? Карякин — фанатичный эсэр, кроме своих прокламаций и книжечек знать ничего не знает. А вон тот усатый в кожаной куртке, вон перед дамами увивается, видите? Это Бузанов. Про него, правда, плохого не скажу. Он, я слышал, в бою под Завьялово был, вместе с нами, простым солдатом. Смелый человек, но глуповат и тоже болтун. Вот они, наши власти, поручик. Красавцы, правда? Как вы считаете, можем мы под их руководством что-нибудь путного сделать?

— Не знаю.

— Не знаете..., — он протянул руку и снова разлил водку. — А я знаю. В такое время власть должна быть в руках военных. Мы ведь и войну почему проиграли? Откуда красная сволочь взялась? А все потому, что в Питере повсюду одни болтуны засели. К чему привело? А к тому, что Ленин и Троцкий всех их из кабинетов вышвырнули,

и давай народную кровушку пить. А победу нашу немцам отдали. Но теперь, слава Богу, просыпается Россия-матушка, кажется. Даст Бог, опрокинем большевиков!

— А пока что водочку опрокидываем? Так, Паша?

Здоровенный амбал со шрамом на щеке хлопнул Роши-на по плечу, так что тот чуть не пополам сложился.

— С кем пьешь? Представишь?

— Ваня! Ты что ли?! А я думал ты в Воткинске все еще.

— Вернулся недавно. И вижу, вовремя.

Он подтянул свободный стул и махнул рукой официанту. Тот поставил на стол еще одну стопку.

— Знакомьтесь, поручик. Прапорщик Болонкин, Иван Терентьевич. А это Савушкин Александр Владимирович. Мы с ним на фронте встречались, под Горлице. Поручик, можно сказать, жизнь мне спас.

Болонкин протянул мне огромную ручищу.

— Рад познакомиться. Фронтовик — значит, наш. Уважаю. Ну что, за знакомство?

Пришлось опять выпить.

— Как там у вас в Воткинске было? Разогнали комиссаров?

— Еще как! Ты бы видел, как они драпали. Только пятки сверкали. Одного у церкви поймали, на подводе бежать хотел, лошадку нахлестывал, как черт настоящий. А в сене потом два мешка с деньгами нашли и пулемет. Говорят, то ли военный комиссар был тамошний, то ли еще кто... Шлепнули мы его, прямо там, возле церкви.

— Пострелять-то пришлось хоть? Или так все и разбежались?

— Пришлось, как же. Когда в город вошли, они у моста залегли и давай по нам бить. Там у них еще пулемет стоял, так мы и лежали, головы не поднимаешь. Потом кто-то из воткинских пулеметчика положил. Я посмотрел, в спину две пули. Ну, тут мы поднялись и цепью вперед. Гоним их в город, а они бегут кто куда.

Прапорщик отвлекся, снова наполнив стопки, потом вернулся к рассказу, держа огурец на вилке.

— Воткинские нам сильно помогли, конечно. Есть у них там один бывший штабс-капитан. Юрьев фамилия. Вот, скажу вам, кремень человек! Когда мы красных гнали, он к плотине вышел, идет так в английском костюме, а они мимо бегут, винтовки бросают, подштанниками сверкают. А он им и говорит: «Куда ж вы, товарищи? Там ведь стреляют!» И смеется. Потом он на митинге выступал у Управления. Хорошо говорит! Я его комендантом поставил, думаю Воткинск теперь в надежных руках.

— Это точно, — согласился я. — Капитан Юрьев наведет там порядок. Наведет, будьте спокойны — порядок тот еще будет!

— Вы его знаете?

— Так. По слухам. Налейте еще что ли...

«Юрьев», — подумал я, вертя в руках стопку холодной водки. Полковник Федичкин не будет в восторге от нового коменданта Воткинска. Они взаимно недолюбливали друг друга. И это еще мягко говоря. Федичкин называл Юрьева «цирковым артистом и клоуном». Капитан в долгу не оставался, величая полковника не иначе как «надутым пузатом». Тем не менее, они будут работать вместе, оставляя враждебность исключительно для личных записок.

Их нетерпимость друг к другу прорвется наружу позже, уже в ноябре, когда красные возьмут Ижевск в кольцо. Федичкин будет отстаивать необходимость немедленного отступления, Юрьев же станет требовать стоять до конца. И мнение капитана возобладает. Именно он возглавит вооруженные силы Прикамья в последних боях, после того, как полковник, бросив обреченный город, уйдет за Каму.

Зверь, палач и садист — так характеризуют Юрьева все советские авторы. Что ж, большевиков он ненавидел люто — это правда. Баржи смерти — его идея. Изобрел их, правда, не он, капитан всего лишь заимствовал идею

у большевиков, но во время Восстания они стали использоваться по его приказу. Вообще, он всегда говорил, что в вопросах обращения с большевиками является их верным учеником и последователем. Расстрелы, казни, жуткие условия в которых будут содержать пленных — все это он объяснял тем, что «так поступают большевики, а значит, и нам с ними следует вести себя точно так же».

Вместе с тем, энергия, работоспособность, организаторские таланты — все это тоже капитан Юрьев. Как руководитель и командир он проявил себя превосходно. В чем, в чем, а в пренебрежении своими обязанностями его упрекнуть точно нельзя. Нет, случайных людей в руководстве Восстания не было. И то, что волна народного возмущения выбросила наверх именно капитана Юрьева, определила сама судьба. Интересно было бы лично с ним познакомиться...

Болонкин еще что-то рассказывал о «Воткинской операции», но я почти не слушал. Мой взгляд рассеянно скользил по залу, пока внезапно не наткнулся на Куракина. Штабс-капитан разговаривал с кем-то у бильярдного стола. И тут же я вспомнил, что хотел изложить ему свой «стратегический план». Четыре стопки водки вместе с выпитым до этого пивом дали о себе знать. Во мне вдруг проснулось горячее желание действовать.

— Господа, простите, я вас оставлю, — сказал я, поднимаясь. — Мне надо переговорить с Владимиром Ивановичем. Есть тут у меня одна идеяка...

— Валяйте, поручик, если хотите, — сказал Болонкин. — Только я бы вам советовал не задерживаться. Во-первых, с Куракиным скучно, он все время серьезный, как поп на проповеди. А во-вторых..., — тут прапорщик привстал и, приобняв меня за шею, заговорщицки прошептал, — Вон та гимназисточка, мне кажется, на вас поглядывает.

Я посмотрел в сторону столика, занятого молодежью. Девушки мило щебетали, но нас, кажется, не глядели.

— Которая? — тоже оживился Рошин.

— Да вон, с веснушками, светленькая.

— Так это ж Зина, наша соседка бывшая!

— Ты что, ее знаешь? И молчал?! Знакомиться, Паша! Немедля знакомиться! А вы, Савушкин, все же поторопитесь. А то всех девочек разберут...

Я глупо улыбнулся, не зная, что на это ответить, потом слегка поклонился и направился к Куракину.

Вот только девочек мне здесь не хватало! Хотя... Я обернулся. Оба прапорщика уже переместились за соседний стол. Девчонки, похоже, не возражали. Хмм... Ну ладно, посмотрим. Но сначала — дело.

Куракин слушал меня не прерывая, не задавая вопросов. Лицо штабс-капитана ничего не выражало. Время от времени на протяжении моей, может быть излишне горячей речи, он потягивал шампанское из бокала, задумчиво поглядывая куда-то в сторону бильярдного стола.

— Вот так, я считаю, следует немедленно поступить, — закончил я, наконец.

— Стало быть, вы предлагаете брать Сарапул?

— Да.

— Без подготовки, без разведки, только что выдержав бой с дивизией противника? А с чего вы решили, будто штаб Второй армии сидит там сам по себе и никем не охраняется?

— Я.., — не мог же я сказать, что располагаю информацией из будущего! — Я просто знаю, у меня есть...

— Предчувствие? — усмехнулся Куракин. — Полковник говорил мне, что вы удивительно точно предсказали высадку в Гольянах. Но я не верю в предчувствия. К тому же, в данном случае вы дали маху. Разведка сообщает, что Сарапул занят отрядом Чеверева. Там же батальон Рейнфельда. Всего у них до трех тысяч штыков и артиллерийская батарея. Без серьезной подготовки город не взять. Что вы на это скажете?

Что же я мог сказать? То ли это была ошибка, то ли там, в будущем, эти сведения прошли мимо моего внимания. Но тогда — насколько я вообще могу полагаться на свои знания? Впервые до меня дошло, что возможно не все когда-то попало мне на глаза или уложилось в голову. Литературы же, к которой я всегда мог обратиться в подобных случаях, под рукой у меня, естественно, не было.

— Молчите? Понимаю. Не думайте, что вы один подобное предложение выдвигаете. Горячих голов и без вас хватает. Чтоб вы знали, вариант наступления на Сарапул рассматривался, и оно будет проведено, но в подходящий момент. Вы же боевой офицер, поручик! Неужто считаете, командование без вас в обстановке не сориентируется? Наше с вами дело четко и точно исполнять приказы. Инициативу же стоит проявлять, когда она основана на верной оценке обстановки, а не так вот с бухты-барахты... Хотите еще что-то добавить?

— А Петропавловск? Дебесы?

— Это еще более сомнительный план. Откуда у вас сведения? Опять предчувствия? Советую вам ваши предчувствия, сны и прочие гадания держать при себе. И не вздумайте с этим к полковнику подходить. Вы у него и так под вопросом, как бы Дмитрий Иванович не счел, что вы пытаетесь подставить под удар красных хотя бы часть наших сил.

Я стоял, как оплеванный. Вот так вот. О том, что мои предложения можно рассматривать и под таким углом, я не подумал. Я вообще, выходит, много о чем не подумал. Капитан явно смотрел на вещи иначе, чем я.

Но что же, вот так отказаться от возможности изменить ход событий? Я-то ведь знаю, что все их действия, как бы разумно они не выглядели, в конечном итоге приведут к поражению! С другой стороны, почему я ожидал, что мои предложения будут с благоговением выслушаны и тут же приняты к исполнению? Увлёкся я слишком, пожалуй... Да,

теперь вижу, рассуждал я наивно.

— Но это же единственная возможность, — начал я, не желая сдаваться. — Если сейчас...

— Поручик, — перебил Куракин. — Окажетесь в штабе, тогда и стройте планы. А сейчас — не забивайте себе голову. Завтра мы идем брать Гольяны. Возможно, случится бой. Кто знает, будет ли еще у вас возможность вот так погулять? Идите-ка лучше выпейте, отдохните. Кампания ваша, вон, вас поджидает. Дамы, опять же...

Он похлопал меня по плечу и отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Как-то сочувственно, что ли, похлопал.

Значит, выпить и отдохнуть? Нет! Я должен придумать что-то, чтобы мне верили. Но что? Что?!

Я потерял висок. Ладно, завтра, на свежую голову. Набраться, похоже, уже успел — мысли как мыши бегают. И к Куракину я не так подкатил. Надо было продумать все как следует! Запоздало коря себя, я пошел обратно к столу.

Господа офицеры, похоже, решили гулять, так гулять. Стол уже ломился от закусок, появилась еще одна бутылка водки и вино для «дам». Один из мальчишек, в синей форме с золотыми пуговицами, успел наклюкаться в зюзю и что-то с жаром втолковывал миске салата, время от времени стучая кулаком по столу. Рошин, посмеиваясь, подливал девочкам вина. Болонкин сидел, слегка приобняв веснушчатую гимназистку, и рассказывал какую-то шутку. Солдаты, — а может и офицеры, кто их разберет без погон? — тоже переместились к ним, сдвинув столы. Ну, понятно, во все времена на таких вот тусовках в конце концов все мужики вокруг девушек соберутся, если возможность такая есть.

Было шумно. Все о чем-то говорили. Юнец с гитарой пытался выводить некий романс. Играл он даже хуже, чем пел. А это еще что такое?! Рядом с ним сидела симпатичная девушка в белой блузке с раскрасневшимися щечками

и растрепанной челкой. Совершенно не скрываясь, вчерашняя школьница нюхала белый порошок, насыпав порцию между большим и указательным пальцем. Да это ж кокаин! Легальные наркотики. Охренеть. Девчонку вело, глаза у нее слезились, а на парня с гитарой она смотрела просто с обожанием. Ну, может трубадуру этому чего и обломится.

— А, поручик! — крикнул Болонкин, не выпуская плеч своей дамы. — Ну, наконец-то! Садитесь, садитесь!

Он подвинулся, освобождая место и я, захватив стул, втиснулся между ним и еще одной гимназисткой. Той самой, кажется, что якобы на меня посматривала.

— Штрафную! Штрафную! — потребовало общество.

Прапорщик, усмехаясь, накатил мне полстакана водьяры, опрокинув туда остатки содержимого бутылки. Пришлось выпить. Народ аплодировал.

Рощин, с грохотом отодвинув стул, вскочил на ноги и, опираясь о стол, указал на меня.

— Знакомьтесь! П-поручик Савушкин. Александр. Герой войны, между прочим. Под Горлице взял в плен немецкого генерала. Представлен к Георгиевскому кресту. Очень примечательный человек!

Болонкин расхохотался, а девчонки стрельнули глазками. Парень в синей форме тут же устоял на меня.

— Но все же большевики украли у нас победу, господа! — провозгласил он. — А Ленин — германский агент!

Один из солдат толкнул его в плечо и мальчишка снова устоял мутным взглядом в салатницу.

— Катя, — девушка справа протянула мне руку. — Очень рада с вами познакомиться.

Я, на миг растерявшись, — пожать? поцеловать? — все же галантно изобразил поцелуй в лучших традициях польской шляхты.

Она мило улыбнулась:

— Вы не обращайте внимания на Ванечку. Просто он много выпил. А правда, ваш друг рассказывал, вы сбили

германский аэроплан из винтовки?

Рощин, откинувшись на спинку стула, мне подмигнул. Я, также за спиной, показал ему сжатый кулак.

— Зачем же так официально, Катя? Я не такой уж и старый. Можно на ты. А аэроплан... Это было не трудно. Низко летел.

Она рассмеялась.

— Как скромно!

— Слушайте, поручик, — обратился ко мне Болонкин. — Паша говорит, вы на гитаре играете. Сыграйте нам что-нибудь, а то гулять хочется, а Михаил, — он кивнул на нашего музыканта, — тоску только нагоняет.

— Что-нибудь новое! — весело крикнула девушка, с которой он обнимался. Зина, кажется, ее Рощин назвал.

— Да! Просим! Просим! — поддержали остальные.

Мне протянули через стол гитару. Я привычно прижал третью и первую струны, взял звук. Семиструнка, однако. Непривычно немного, но ничего подстроимся. Гитара, в конце концов, она и есть гитара. Что же им сыграть... Я подкрутил колки. После «штрафной» зал передо мной слегка кружился, но я знал, что играть смогу. Пою я не очень, а вот играю — дай бог. На автомате пойдет.

— Водки? — Болонкин заботливо протянул стопку.

Я обвел стол глазами. Все лица обратились ко мне. А, была не была!

— Что-нибудь новое, значит...

Опрокинув стопку, я прочистил горло и взял первый аккорд...

Сначала меня слушали с удивлением. Даже Ванечка перестал бормотать. Понятно. Игру боем они, может, уже и видели, — хотя не уверен, — но вот с такой техникой исполнения вряд ли встречались. И все-таки я попал в тему! Пошла песня, пошла — это я понял, когда припев стали подхватывать, стараясь попадать в такт и на ходу запоминая слова.

А что нам надо? Да просто свет в оконце

А что нам снится — что кончилась война!

Куда идем мы? Туда, где светит солнце

Вот только, братцы, добраться б дотемна!¹

Под конец пели все, а когда стих последний аккорд над нашим столом повисло молчание. И вдруг все захлопали, разом заговорили, о чем-то спрашивая. Да, такого успеха у меня давно не было! Я перевел дух и утер честный трудовой пот.

— Чья это песня, поручик?! — перекричал остальных Миша.

— Моя, — нагло ответил я, расстегивая верхнюю пуговицу мундира, и незаметно положил руку на спинку Каткиного стула. В ее глазах светилось восхищение.

---

¹ Песня группы «Серьга»

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Я открыл глаза и пару секунд лежал, надеясь, что мне это приснилось. Катя спала рядом, тесно прижавшись ко мне, — кровать в моей комнатухе для двоих была узковата, — и я чувствовал тепло ее тела. Стук повторился.

— Да что ж за херня-то такая?! — пробормотал я и осторожно, чтобы не разбудить девушку, выбрался из-под одеяла.

Комната чуть покачнулась, а по затылку мне врезали кузнечным молотом. Я застонал и прижал ладонь к голове. Вот почему я не люблю напиваться водкой, от пива такого тяжелого похмелья у меня, как правило, не бывает.

Барабанщик за дверью не унимался. Бормоча проклятия, я торопливо натянул штаны и приоткрыл дверь, на ходу застегивая ремень. На пороге стоял Ивашов.

— Что, перебрали вчера? — хмыкнул он, увидев мою рожу.

— Надо-то что? — спросил я, дыхнув на него перегаром.

— Полковник зовет. Одевайтесь поскорей и идем. Я подожду.

— Прямо сейчас что ли? Рано же еще!

— Это приказ, поручик.

До этого момента я, видимо, как-то не совсем понимал, что означало мое официальное вступление в армию. Это, оказывается, не только комната, паек и офицерское собрание, это, как ни странно, еще и приказы и необходимость их выполнять. Поэтому, вместо того, чтобы обругать Ивашова и захлопнуть дверь, как мне очень хотелось, я сказал только:

— Ладно. Оденусь сейчас.

— Я жду.

Прикрыв дверь, я нетвердой походкой прошел к столу. Сквозь маленькое окошко пробивался серый рассвет. Посмотрев на часы, я увидел, что сейчас пять утра. Не спят они никогда что ли?!

Вчера мы пришли сюда часов в одиннадцать, а уснули не раньше чем часа через два. Это что получается, я спал четыре часа? Вот же зараза! Вот откуда такое жуткое похмелье.

Моя одежда валялась на стуле. На столе стояла вскрытая консервная банка с недоеденной армейской тушенкой, а рядом кусок зачерствевшего черного хлеба. Видимо, мы тут еще и ели посреди ночи, но это я помнил смутно. А вот банка с водой была очень кстати, хотя где я ее ухитрился набрать, я не помнил вообще. Жадно глотая из банки, я подумал, что неплохо бы зубы почистить, но сделать это было все равно негде, и я принялся одеваться. Катку я решил не будить, пусть девочка выспится, вчерашней ночью она это вполне заслужила. Стоило мне об этом подумать, как, несмотря на похмелье, желание ее разбудить все же возникло, и если бы за дверью меня не ждал Ивашов... Но он ждал, поэтому я ограничился тем, что торопливо набросал ей записку — карандашом на оберточной бумаге.

Одевшись и натянув сапоги, я поправил ей одеяло, при этом не удержавшись, чтобы еще раз не взглянуть под него, — что ни говори, хорошая девочка! — и вышел, плотно притворив дверь.

Как только мы вышли во двор Завода, я достал папиросу и закурил. По небу плыли серые тучи, было ощутимо прохладно, а с пруда тянуло ветром.

«Испортилась погода», — подумал я.

— Куда идти-то?

— К станции.

Что, интересно, Федичкину от меня понадобилось в такую рань? И ведь виделись, можно сказать, пару часов

назад — тогда никак нельзя было?! Или это связано с тем, что я Куракину рассказал? Решили все-таки...

Тут я остановился. Через двор, к заводским воротам, четверо конвоиров вели пленных большевиков. Я сразу вспомнил, что здесь, под башней, все подвалы превращены в тюрьму и мне стало еще более неуютно.

Красные, — человек десять, — были оборваны, измождены, некоторые еле переставляли ноги. На лицах у многих синяки и кровоподтеки. И тут я узнал одного из них. Мы встретились глазами — он тоже вспомнил меня:

— Гнида! — плевков не долетел совсем чуть-чуть. — Белякам проданся? Офицерьем у них заделался, тварь?!

Это был Филимонов из отряда Бабушкина, один из тех, кого я уговорил сдать. Конвоир тут же приложил его прикладом по ребрам и Филимонов упал на колени. Пинками его заставили подняться. Остальные пленные смотрели на это безучастно, видимо, сил сопротивляться у них уже не осталось и они просто ждали, когда все закончится. Лишь один протянул руку, чтобы помочь товарищу, за что тут же схлопотал от солдата тычок в печень. Этот был мне тоже знаком. Вот только теперь товарищ Дедюхин был без очков, почему я его и не сразу узнал.

Я не ответил на слова Филимонова. Что мог я ему сказать? Только смотрел, как их ведут к воротам и молча курил.

Можно не сомневаться — повели на расстрел к Карлутской. Точнее не на расстрел, а на казнь — у конвоиров имелся приказ экономить патроны, поэтому осужденных прикалывали штыками. Дедюхин и Филимонов были политработниками, к таким, как они здесь снисхождения не проявляли. Остальные, кто с ними, тоже, наверное, из «отфильтрованных». Главных большевиков уже казнили, это я знал. Лихвинцев, Бабушкин, Пастухов и прочие, все они приняли смерть и лежат в могилах — тела выдавали родственникам.

Неприятное это чувство, стоять и смотреть как пусть

и малознакомых тебе людей ведут убивать.

Я вспомнил Фрола Леконцева и Ваню Мошкина, с которыми пил пиво в Агрызе. Где сейчас эти двое? Я надеялся, что с ними все хорошо. Настолько, насколько это вообще может быть в таких обстоятельствах. Простых солдат, тем более из ижевских, не расстреливали, да в общем-то даже и не допрашивали. Им разрешали видаться с родственниками, — у кого они были, — принимать передачи. Не ижевским было хуже, но тоже терпимо.

Изменится это когда Федичкина сменит Юрьев. В обычной своей ироничной манере он скажет, что пленные большевики у Федичкина живут лучше ижевских рабочих. По его приказу всех их бросят на баржи и уж позаботятся, чтобы исправить все упущения полковника.

— Ну, что стоим-то? — недовольно бросил Ивашов. — Пошли.

Мы шли к железнодорожным путям, а точнее, к погрузочной станции. Народу в Заводе было на удивление много — утро ведь самое что ни на есть раннее. Впрочем, чего удивляться? Я вспомнил, что Завод работал чуть ли не круглосуточно, Ижевску требовалось много винтовок. И не только винтовок. В цехах уже, к примеру, началась выделка колючей проволоки, она пойдет на строительство укреплений, мощную линию которых сейчас возводили на юге.

Однако здесь были не только рабочие. Пока шли мы встретили десятка два солдат, но еще больше их было на станции. Одна их группа даже закатывала на платформу трофейную пушку, видимо, повезут туда же, на «линию Мажино».

Стоило нам ступить на станцию, нас поприветствовал громкий паровозный гудок, и почти тут же я увидел Федичкина. Он стоял у края платформы и о чем-то оживленно разговаривал с человеком в форме заводского чиновника. Ивашов дернул меня за рукав и мы останови-

лись шагах в десяти. Ждали, пока они закончат свой разговор. Примерно через минуту чиновник укатил в сторону заводского двора, полковник обернулся к нам и кивнул. Я подошел.

— Капитан передал мне ваше предложение, — сказал Федичкин без всяких приветствий. — Должен сказать эта странная идея с Петропавловским меня удивила. Откуда у вас сведения о планах большевиков?

— Этого я сказать не могу, — хмуро ответил я. — Вы можете мне верить или не верить. Но если поверите, лучше будет для всех. Это направление очень важно. Будет важно.

— У нас есть сведения, что красные перебрасывают несколько полков из Вятки и Глазова, формируя северную группу войск. Только что я узнал, что штаб этой группы будет в Дебесах. Таким образом, ваши слова подтверждаются. И ваши соображения насчет бреши между этой новой группой противника и Третьей армией представляются мне разумными. Я не могу понять одного. Почему Петропавловск? Откуда сведения о численности красных? Время вам откуда известно?!

— Не могу сказать.

Федичкин посмотрел на меня так, что мне захотелось отвернуться.

— Мы здесь не в игры играем. Время военное. Я могу прямо сейчас приказать бросить вас обратно в тюрьму и там вы признаетесь, что и откуда вам известно. Все выложите. Поэтому говорите сейчас и без уверток. Если вы на нашей стороне.

— Конечно, я на вашей стороне, черт побери! — слова полковника, помноженные на мое и без того не лучшее состояние, меня просто взбесили. — Я что, это не доказал?! Я и так делаю, что могу. Я вам предлагаю реальную возможность. И даже благодарности никакой не требую. А вы не только меня слушать не хотите, так еще и угрожаете!

— А я вам не угрожаю. Я вам прямо говорю. Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. И Куракин вам не помо-

жет. Чем вы можете доказать, что вы не шпион красных?! А там, — он махнул рукой в сторону башни, — вы точно заговорите.

— Вот так, да? А почему это вы думаете, что заговорю?! Можно подумать, Пастухов у вас заговорил! Разве он сказал вам, куда деньги спрятал? И какие еще доказательства...

Я резко осекся. Так вот же оно, доказательство! Слова, сказанные в запальчивости, натолкнули меня на очевидную мысль. Наверное, настолько очевидную, что я не сразу ее разглядел. Я тут же обругал себя полным дураком и последним придурком. Ну, конечно! Конечно! Как это я сразу не сообразил? Доказательств тебе? Будут тебе доказательства!

— Мне это надоело, — сказал, между тем, полковник. — Или вы...

— Пастухов! — перебил я его. — Конечно же, Пастухов!

— О чем вы?

— Он ведь так и не сказал, где деньги, которые он взял из заводской казны. Так?

— Ну и что?

— Я знаю, где они. И я вам покажу. Этого, надеюсь, будет достаточно?

Северная окраина Ижевска носила в то время странное название «Колтома». Название это переживет старый Ижевск и сохранится в речи будущих горожан, — я помнил даже какой-то магазин с такой вывеской, — но сам район изменится до неузнаваемости. На месте лепившихся друг к другу деревянных домишек полвека спустя поднимется Дворец пионеров и будет разбит симпатичный парк, пыльная Вятская дорога превратится в одну из главных городских магистралей улицы Кирова и по ней даже пустят трамвай, а на месте деревянной церквушки появится магазин «Океан».

Где конкретно стоял здесь дом Пастухова я, конечно, не знал — позже его перенесут в другое место, ближе к Центру, и откроют там музей нестигаемого большевика, — но зато это знал Федичкин.

Как я и предполагал, полковник ухватился за мое предложение. Деньги, вывезенные Пастуховым из казначейства, были необходимы новым властям как воздух. Уже сейчас возникла проблема, чем выплачивать рабочим зарплату, а чуть позже платить ее станет попросту нечем, и все это хорошо понимали. Возможно также, Федичкин надеялся использовать эти деньги как козырь в своих разногласиях с гражданскими властями.

Мы шли в сопровождении четверки солдат, и почти всю дорогу полковник молчал. Обратился он ко мне только когда впереди показался дом Пастухова.

— Так значит, деньги все это время лежали тут, под крыльцом?

— Да, — ответил я. И чуть было не добавил, что в ноябре именно оттуда большевики их и изъяли.

— Вы понимаете, что я с вами сделаю, если их там

не окажется? Вы выставите меня каким-то шутком, а я этого не терплю.

— Понимаю. Не беспокойтесь, все там.

На самом деле я волновался. Деньги должны были быть там. Если прочитанные мной книги не врани. Но всякое ведь бывает. Если их там все-таки нет... Думать об этом мне не хотелось.

Когда мы вломились во двор, на крыльце дома показалась сухонькая старушка. Надо полагать, мать Пастухова.

— Что ж еще-то вам надо, ироды? — спросила она, глядя на нас. — Мало вам, что Ванюшу у меня отняли?

Она начала было спускаться с крыльца, но ее перехватил вышедший из дома крепкий седой старик.

— Тихо, мать, тихо, — сказал он, прижимая ее к груди. — Терпи.

Федичкин не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Проверить, — кивнул он солдатам. — Под крыльцом.

— Что опять ищешь-то, командир? — крикнул дед.

— Говорят, ваш Иван деньги тут спрятал, — ответил полковник, раскуривая папиросу. — Вот мы и проверим.

Старики с ненавистью смотрели на нас пока солдаты лазали под крыльцо, отрывали доски. Копошились они там минут десять. За это время успели разворотить крыльцо, а потом, прихватив лопату, начали копать. Все это время Федичкин невозмутимо курил.

— Есть что-то! — крикнул солдат, высовываясь из-под крыльца. — Мешки, кажись!

Полковник мельком глянул на меня, бросил окуроч и подошел к крыльцу.

Спустя еще несколько минут на свет выволокли восемь туго набитых мешков. Один из них вскрыли штыком и все увидели пачки ассигнаций. Старуха рыдала, уткнувшись деду в плечо.

— Ершов! — скомандовал полковник.

— Слушаю, вашбродь!

— Остаетесь здесь. За деньги головой отвечаешь. Сей-

час подводу пришем.

Мы быстро шагали к Заводу. Федичкин заметно повеселел.

— Как вы узнали, поручик?

— Болтали в отряде, с которым я к вам попал, — ответил я заготовленной фразой.

— Хмм... Там одни ассигнации. Может, вы знаете также, где золото? Этот мерзавец вывез его куда-то и спрятал. Никак не можем дознаться, куда.

— Чего не знаю, того не знаю. Увы.

Золото в слитках лежало где-то в Вожойском лесу. Но где именно — этого кроме Пастухова не знал никто. Его не найдут ни большевики, ни будущие кладоискатели. Так оно там и лежит до сих пор, поэтому, при всем желании, отдать полковнику еще и золото, я не мог. Но, похоже, ему хватило и ассигнаций. Когда мы вернулись к Военному отделу, Федичкин выловил какого-то офицера, приказал ему взять подводу с конвоем и отправил вывозить деньги. Мне он велел ждать у крыльца и я покорно ждал, глядя на поднимающуюся суету. Я успел выкурить пару папирос, когда Федичкин вернулся. Лицо полковника просто сияло.

— Ну что, Савушкин?! — весело сказал он. — Теперь не пропадем, а? Считайте, я вам поверил. Вы говорили о рейде на Петропавловск, так? Сколько вам нужно людей?

Я закашлялся от неожиданности. То есть, как это «мне»? Он хочет, чтобы я вел отряд? Но я же на самом деле никакой не офицер, я никогда не командовал солдатами. Серьезная ведь операция, будет бой, вероятно. Черт! Что ж мне, самому их вести? А если провалю все дело?

— О чем задумались, поручик? Вы говорили, там будет небольшой отряд красных. Могу дать вам человек двадцать. Ивашова возьмете помощником. Полагаю, двинетесь через Воткинск — там сможете еще людей добрать, если мало. Ну, беретесь? Это ведь ваше предложение.

— А? Да. Да, конечно.

Что еще мне оставалось сказать? Откажусь — снова вызову подозрения. Ладно, черт с вами — покомандую. Если что, военные вопросы постараемся переложить на Ивашова, он-то боевой опыт имеет, во всяком случае. В конце-концов, где наша не пропадала?!

— Только у меня есть одно условие, полковник.

— Какое же? — он с интересом поглядел на меня.

— Там под заводской башней у вас пленные есть. Там двое парней хороших. К красным пошли, потому что... дураки потому что! Разрешите с ними поговорить. Если согласятся, с собой возьму.

— Вы о ком говорите?

— Да они рядовые простые. Мошкин и Леконцев их фамилии. В том поезде со мной были, где вы нас взяли...

Почему я решил их спасти? Да и спасти ли? Многие рядовые пленные вполне себе выжили, дождались падения Ижевска. Несмотря на будущие завывания красных о зверствах ижевцев, «своих» рядовых (я не говорю про китайцев и латышей) никогда не казнили, а после падения города просто оставили в камерах. В наследство, так сказать, Второй Железной дивизии. Не знаю. Может, просто хотелось видеть хоть немного знакомые лица? Или так на меня подействовала встреча с «нашими» чекистами? Кто знает, не окажутся ли Фрол с Ваней, которому я, между прочим, жизнь, можно сказать, спас, среди тех, кто рискнет бежать в ночь перед решающей битвой? Они-то не знали, что их не тронут. Думали, перебьют всех нафиг.

— Берите, если пойдут, — неожиданно легко согласился Федичкин. — Под вашу ответственность. Отбываете сегодня в полдень поездом на Воткинск. Платформу вам выделим... Да не стойте вы столбом, поручик!

— Есть, тов., господин полковник!

Инициатива наказуема. Истинность этого известного в армии выражения я понял на практике. Внезапно свалившееся на меня командование спецоперацией по захвату Петропавловского, настолько меня захватило, что про Катю я совершенно забыл. Нехорошо бросать девушку, с которой ты только что провел ночь, одну, даже не сказав ей ни слова. Но, видимо, такая уж у меня судьба — ни с кем не сходиться хоть сколько-нибудь надолго. Естественно, что когда я на минуту забежал к себе, — а было это за полчаса до отправления, — никто меня уже не ждал. Комнатушка была пуста, а на столе лежала та самая фотография Маши. Вот блин! Выронил я ее что ли второпях? Не помню. Надпись на ней Катюхе явно понравиться не могла. Но все равно, можно было бы и объясниться. Хотя... А, она все-таки объяснилась. Рядом с фоткой лежала записка, торопливо нацарапанная на огрызке оберточной бумаги.

«Мне казалось, я вас полюбила, Александр Владимирович. Но вижу, у вас уж есть любовь. С вашей стороны это было низко. Прощайте!»

Мдя... Типичное письмо обиженной гимназистки. Да еще наверняка начитавшейся сентиментальных романов. Впрочем, и я тоже хорош. Я вздохнул, сунул фото в карман, а записку скомкал и выбросил в мусор. Ладно, чего там. Переживем. Неудобно немного, но может так даже лучше. Мне ведь теперь никак не до баб. И играть в школьную любовь тоже некогда.

Я решил выбросить эту историю из головы — будет время потом объяснимся. Торопливо собрался и зашагал на вокзал. Поезд меня уже ждал.

Моя команда — двадцать человек, вооруженных винтовками при одном «Льюисе» (может, том самом, который я недавно тащил на своем горбу) — уже грузилась на платформу под присмотром Ивашова. Не знаю, что бы я без него делал, но распоряжался он не хуже типичного сержанта из голливудских фильмов, так что с погрузкой проблем не возникло.

— Готовы отправляться, — козырнул мне Ивашов. Я кивнул и еще раз осмотрел свой отряд, как мог изображая бывалого офицера.

Фрол и Мошкин держались вместе, настороженно поглядывая на вчерашних противников, а ныне вроде бы товарищей по оружию. Вроде я не ошибся в этих двоих, и это меня радовало. Разыскать их проблем не составило, сложнее пришлось с политбеседой, которую мне пришлось провести с целью перевербовки бывших большевиков. Фрол все больше молчал, только кивал головой, вроде бы соглашаясь со мной. Ваня доставил больше хлопот.

— Как же так, товарищ Савушкин? — растерянно сказал он. — К белым переметнулись? И нас зовете?

Пришлось прочитать ему лекцию «о международном положении». Я старался быть убедительным, насколько возможно. Рассказал о том, как продотрядовцы грабят наш родной край. Как свирепствуют здесь красные китайцы, упирал на то, что мы де и есть за Советскую власть, идеалы которой предали большевики. В общем, много чего я говорил, сам под конец увлекся. Вроде бы убедил. Во всяком случае, оба решили ко мне примкнуть. И нельзя сказать, чтобы было это так уж невероятно. Я помнил, что случаи перехода солдат с одной стороны на другую были довольно часты. Во время Восстания, все тут смешалось, в этом доме Облонских., — в Прикамье, я имею в виду.

В последний момент я заметил на перроне Куракина. Штабс-капитан решил меня проводить.

— Удачи, — просто сказал он, протягивая мне руку. — Искренне вам желаю. Убедили все же полковника?

Не ожидал. И с деньгами здорово вы помогли. Наслышан уже. А я — снова к Гольянам, потом на Сарапул. Зашевелилось все вроде бы наконец...

— И вам удачи, — ответил я, крепко пожав ладонь штабс-капитана. Секунду боролся с желанием сказать ему, что уж кто-кто, а он-то в удаче может не сомневаться. Все у него получится. И еще как! Но потом только кивнул, и в этот момент наш паровоз дал гудок, платформа окуталась паром. В тот же момент застучали колеса и, набирая скорость, поезд двинулся в сторону Воткинска.

Рабочие и солдаты, из тех кто был на перроне, махали нам вслед. Ребята отвечали им тем же. Только «Прощания славянки» и не хватало. Не понравилась мне вся эта сцена, будто навсегда провожают. Я смотрел на ползущие мимо городские кварталы и думал, что зря согласился. Мало ли что я там знаю, но какой из меня офицер?! Как я буду вот этими парнями командовать? Как проводить разведку? Как правильно наступать? Как выстроить цепь? Они же цепями тут в атаки ходят. Хотя рассыпной строй я уже тоже видел... А немцы в Первой мировой, как известно, уже применяли штурмовые группы. Но как они это делали на практике? Да о чем это я?! Мысли путаются. Спать охота. Эх, сюда бы кого-то из настоящих офицеров. Это ведь больше уже не игра, не похоже оно на игру. Да и на сон в летнюю ночь тоже давно уже не похоже. Если меня здесь убьют, это ведь будет по-настоящему. Тоска... Колеса поезда стучали все быстрее, раздался еще один громкий гудок.

Мы ехали прямо среди городской застройки, и я заметил, что то здесь, то там, от основной железной дороги отходят какие-то боковые ветки. Мне подумалось, что поезда узкоколейки в этом старом заводском Ижевске чем-то напоминают трамвай. Видимо в будущем все эти лишние железнодорожные линии демонтировали — по крайней мере, я не помнил, чтобы их у нас в городе было столько.

Эй ты, извозчик, скорее трогай

А я поеду своей дорогой!
Эх, шарабан мой — американка!
Я не артистка, я — шарлатанка!

— громко, словно пытаюсь перекричать паровоз, затащил кто-то из парней. Многие подхватили. Весело, значит, поедem, с песнями. Привалившись к большому ящику, загруженному новенькими винтовками, я смотрел на улыбающиеся лица.

А песенка-то прям про меня. «Я не поручик, я...» Хмыкнув, я решил на все забить и натянул на глаза фуражку. До Воткинска ехать не меньше часа. Самое время немного поспать.

Тогда я еще не совсем отдавал себе отчет, что именно я совершил, предложив и возглавив эту операцию. С этого момента я перестал быть простым свидетелем прошлых событий. С этого момента я пытался изменить ход истории...

Оглавление

1	.....	4
2	.....	12
3	.....	22
4	.....	30
5	.....	36
6	.....	42
7	.....	48
8	.....	52
9	.....	58
10	.....	64
11	.....	71
12	.....	83
13	.....	90
14	.....	96
15	.....	100
16	.....	112
17	.....	118
18	.....	122

Игорь Агафонов

Сто дней Ижевска

Первая часть книги издана при поддержке Библиотеки -
филиала №23 г. Ижевск

Книга создана в интеллектуальной
издательской системе
Ridero.ru

